

“Ложь - это плевок в небо, который неизменно падает на голову плевавшего”.

(Изречение древних Египтян XII в. до н.э.)

28.08.93.

Я решил завести дневник...

Вообще-то действительно, либо сошёл с ума, либо что-то из этого выйдет. А суть дела заключается в том, что я давно собирался начать писать, (ударение, в слове «писать», на букву "А», а не на "И", потому что с ударением на "И" – в настоящее время это делают многие. Вернее, мы многие годы имели доступ к тому, что написано с ударением на букву "И", а к тому, что действительно написано, мы, увы, дорвались только в последние годы. В годы, когда страна с Пути Великого Маразма повернула на Путь Дикого Беспредела. Конечно, крайне необходимо перечислить всех тех до творчества которых мы дорвались, но простое перечисление без описания, хотя бы краткого, того чем они в нас вошли, в лучшем случае, выглядело бы просто крайне невежественно.

Итак, я впервые провожу эксперимент или совершаю первое поползновение в области писания. (Ловлю себя на том, что подсознательно ставлю ударение на "И" и это здорово, значит, есть к чему стремиться, и просьба, если это попало к вам в руки ставьте ударение на "И" - наверняка так легче будет восприниматься...) А касательно перечислений и восприятия - это будет... Если вообще хоть что-то будет в результате сих безжалостных надругательств над собой, а в большей степени, над Вами. Естественно начало спровоцировано невежественностью, а именно, тем, что только сегодня я сел за свой ноутбук и взялся за изучение редактора Write под Windows 3.0. Вы правильно меня поняли, практиковаться в писании (вы помните как ставить ударение?) я начал совместно с изучением редактора, которым свободно пользуются детишки начальных классов, если конечно они не живут в такой дикой стране как наша. И если это нечто, некогда будет переведено и в настоящий момент находится в руках гражданина или гражданки цивилизованной страны - представляю какой неопикуемый ужас нарисовался

на избалованном цивилизацией, холеном и наверняка симпатичном личике, если это гражданка, после вышеприведенного признания. О! Это очень даже милая и безобидная дикость, относительно тех, о которых вам еще предстоит прочесть в настоящем писании (последний раз упоминаю об ударении)!

А если честно: Черт со всем тем, что мне довелось испытать и увидеть. Многие жители нашей страны испытывали и видели, наверняка и сейчас испытывают и видят всякое, более мерзкое и ужасное. Но как мне, до боли, хотелось бы, чтоб детям моим не пришлось пережить и увидеть и одного процента пережитого и увиденного мной, но повествование польется как раз не об этом.

***

В общем, я ничем не обязан товарищу Сталину за своё счастливое детство.

Родился я в Хабаровске в 1957 году, через четыре года после проводов Великого Самодура в последний и дальний путь. На вечность муровать его, им потерянную и преданную душу, утягивающую за собой такие же потерянные и преданные души своих гнусных прихвостней-холуйчиков. Помню, как в разговорах со своими друзьями мама рассказывала о том, что они пятнадцатилетними девчонками рыдали навзрыд, причитая: "Как же мы теперь будем жить без Сталина?". Мне было абсолютно "до ноги"¹, кто такой Сталин, и как они потом жили без него. Вскоре и на мою долю выпал не один грандиозный эффект в истории нашего всемогущего государства. Уже в самые первые дни, в самом первом классе у нас изъяли буквари с портретом какого-то лысого самого главного дяденьки и заменили на буквари с портретом другого самого главного дяденьки с очень густыми, очень лохматыми и очень большими бровями. Но сам тот факт, как и сами самые большие дяденьки, мне был также абсолютно "до ноги". Все выше и ниже изложенные факты, случаи или там события, впрочем, как и я сам, были осознаны мной в провинциальном городке Алдане, который, как вскорости было мной выяснено, расположился где-то

---

¹ То же, что: наплевать, безразлично и т.п.

справа и в середине на карте СССР. Всё вокруг Алдана почему-то называли Якутия, хотя и писали ЯАССР. А завезли меня в тот или этот самый Алдан мои дорогие родители именно тогда, когда мне, если конечно им, моим родителям, верить, исполнилось два года.

Первое, что я помню - это ночь, моя детская кровать вся в осколках от очень большой бутылки и в сухофруктах, большинство из которых чернослив, я истошно ору со слезами на глазах: "Как же теперь моё день рождения?". Позже, спустя годы, отвечая на мой вопрос: "Что же такое тогда произошло?" - моя бабушка объясняла: «Да то бутылку с брагой дед поставил на каменок, чтоб быстрее брага дошла, а бутылку взорвалась посреди ночи...».

Помню, что окна нашей однокомнатной квартиры выходили... Хм, сначала помню, что в одно из окон в комнате, каждое утро, спозаранку, врвалось солнце. Такое тёплое-тёплое, мягкое, доброе, ласковое. А ещё оно было жёлтое, красное, с синим - почти черным кругом в середине. И оно таким было каждое утро. Именно таким одновременно желтым и красным, а темный круг, что посередине, почему-то все время скакал из стороны в сторону. Помню, что просыпался я всегда в одно и то же мгновение, когда тонюсенькая желто-красная кромка солнца только-только начинала появляться над крышей, стоящего через дорогу, низкого одноэтажного дома. Она, эта тонюсенькая желто-красная кромка солнца, была нежной и теплой. Первое, что я чувствовал просыпаясь - ее тепло на веках. Первое что я видел, открывая глаза - ее.

И эта тонюсенькая кромка, мне казалось, есть самая мудрая, мощная и добрая сила из всех сил, присутствие которых я ощущал вокруг себя.

Жаль, что ощущение этих сил притупилось и иссякло с годами, а если точнее - стало подвластно разуму и той нелепости, которую вбивали в голову. Правда голова к счастью отказывалась воспринимать то, что в нее вбивали, но видимо вбивали конкретно, так как естественное восприятие всего окружающего таяло и исчезало с ужасающей быстротой.

А может дело совсем не в том, что вбивали, а в том, что эта кромка исчезла. Вдруг исчезла и все... Помню, как просыпаюсь уже на кухне, в другой,

железной панцирной кровати, но тоже детской. И стоит она наоборот. И теперь, просыпаясь, я вижу на перегородке напротив сначала полоску-зайчик. Потом полоска-зайчик расширяется прямо на глазах и перерастает в квадрат. Я догадываюсь, что это моя кромка вырастает в солнце. Я это твердо знаю. Также я твердо знаю, что квадрат на противоположной стене (роль которой выполняет перегородка) очень теплый, добрый, нежный и очень сильный. Но мне совершенно не хочется встать, подойти и проверить. Зачем проверять? Я ведь знаю. Может это единственное, что я знаю. Мне как-то не так, как-то неправильно. Мне обидно, что я не вижу как рождается солнце. Мне плохо от того, что я не чувствую на своем лице нежности, тепла, доброты рождения солнца. Меня совершенно не интересует, куда выходят окна нашей однокомнатной квартиры. Наверное, я этого еще не знаю. Я сейчас ничего не знаю. Меня интересует только рождение солнца. Я встаю, быстро выглядываю в единственное окно на кухне...

Оно уже родилось.

Боже, как давно все это было...

Сегодня инженер коммерческого отдела увез одного из представителей наших московских партнеров в аэропорт на моем летящем, парящем Тойота Soarer. Другой из представителей коротает в гостинице и коротать ему видимо, предстоит еще долго, так как его командировочным заданием является найти в наших действиях ошибки и просчеты, в целях обвинить нас в возникновении ситуации, которая фактически возникла из-за разгильдяйства его начальства. Конечно, толку, для решения производственных и организационных вопросов, от его присутствия здесь - как с козла молока, но он вынужден отвлекать нас от работы до тех пор, пока арматура нашего партнера не отчалит в направлении Шанхая.

Мы, естественно, ежедневно напоминаем им о том, что в их же интересах предоставить нам необходимую документацию в том виде, в котором ее запрашивает таможня, для того чтобы разрешить декларирование, что в

принципе является их обязательством. Мы могли бы взять под свой контроль отправку вагонов с заводов и тонко проявили инициативу в этом направлении, но навязывать не стали, так как, по всей видимости, заказчику не хотелось допустить прямого контакта между нами и заводами. Наш заказчик постоянно информирован о ситуации и стоящих перед ним проблемах, при этом каждый раз мы предлагаем свои методы их решения, в то время как проблемы связанные с выполнением наших обязательств - решаем сами. И не водим за нос, а напротив, устали "разжевывать" как это делается, что в принципе как раз делать ни к чему.

Решая проблемы партнеров, заказчиков на транспортно-экспедиторское обслуживание, упрощенно ТЭО (прошу не путать с технико-экономическим обоснованием), мы не в лучшем свете начинаем выглядеть в глазах портов и судовладельцев. Так уж повелось в современном, нынешнем, российском бизнесе: чем качественней и надежней твой труд, чем виртуозней ты лезешь из шкуры вон устраняя последствия недоработок, просчетов и ошибок своих партнеров - тем больше тебе приходится подставляться, тем музыкальней и лиричней пение обещаний, тем гаже и омерзительней момент, когда ты решил все проблемы и когда тебя посылают, кидают, прокатывают (далее применимы все синонимы всех жаргонов и сленгов). Может потому, что все это уже повторялось неоднократно, мы старались сильно не дергаться с теперешним заказчиком, вернее перестали дергаться после того, как он сам проявил высшую степень "доногизма¹", касательно его же собственных дел и дополнительных затрат. Лично у меня опустились руки, когда он, после всего что мы ему сделали и сэкономили, стал что-то крутить, выкручивать...

Хотелось бы все же верить, что в этот раз наш заказчик окажется порядочным партнером, разберется в чем чья вина, подсчитает, рассчитает и т.д... Но выяснится все только тогда, когда покупатель в Шанхае примет арматуру, пройдут все платежи по контракту и будут произведены перерасчеты

---

¹ Абсолютнейшее безразличие. Халатность. Разгильдяйство.

по фактическим затратам. А пока меня затрахаи могучие и красивые прожекты под разовые операции.

29.08.93.

Сегодня научился пользоваться шрифтами редактора Write, правда курсор почему-то ведет себя совершенно странным образом. Уже было сел писать, после борьбы и экспериментов с врайтом и его выходками, но он явно оказался не в духе. Пришлось перейти на другой шрифт. Если так будет продолжаться, то "на гора" буду выдавать максимум две - три строки в сутки, а это мне явно не по нутру, так как я давно выработал для себя твердое правило: всегда сначала подготовить рабочее место, и лишь затем приступать к работе. Поэтому сегодня у меня бой. Бьемся с компьютером кто кого, но это красивая бойня "интеллектов", хоть и довольно нервозная, ведь в английском я дундук, а виндоус полностью на английском, да и "машина" дело туго знает, на то она и машина.

Кажется, она меня научила себя понимать, на что ей потребовалось немало времени.

Однако женщины, напротив, любят оставаться непонятыми, сами же, вообще, меня понимать категорически отказываются. Не все конечно, но именно те, которыми мне очень хотелось бы быть понятым.

По телевизору гнусаво-страдальческими голосками отпели Маликов и Белоусов свои шизилонаивные песенки, и началась политика.

Политика. Я помниться ей отболел в разгаре, так называемой "перестройки". Отболел, это скорей то, что она перестала занимать мои мысли денно и ночью.

***

...Не помню, сколько мне было лет, явно до школы, но помню, как я переживал со страшной силою. Не помню названия фильма, но помню эпизод, когда белогвардейский офицер дал Слово Чести и, в силу обстоятельств, не

выполнив его - пустил себе пулю в висок. Как я рыдал(!): "Ну почему такой хороший, честный человек был белогвардейцем?! Почему он не был за наших, за красных?!".

Смешно, но это долго оставалось самой страшной моей трагедией, после той, которая связана с восприятием самого себя и лишением возможности наблюдать рождения солнца.

Смешно и то, как еще каких-то пять-шесть лет назад прочел в журнале, кажется "Кино", статью ровесника-нытика. Бедняга расплылся, страдал, плакался, что мы тридцатилетние (именно "мы", а не он засранец) обманутое поколение. Что мы верили в идеи, идеалы и т.д. и т.п. и поносил всех, на чем свет стоит. Да, тогда, в конце восьмидесятых, уже многие кичились и кричали, занимались, мягко говоря, обсирательством давно уже умерших. Лишь некоторым хватало мужества и сил воскрешать имена тех, кто и в тридцать седьмом и в сороковые, пятидесятые, семи и восьмидесятые оставался человеком, личностью. А ровесник-нытик, преданно верующий в идеи и идеалы, несчастное обманутое поколение, стопроцентно в тридцать седьмом был бы "не палачом так стукачом"¹ - и это однозначно (Как сказал бы Михал Сергеевич).

А вообще, если положить руку на сердце, самая лучшая, самая душетрепещущая, нежная, восхитительная и кабально захватывающая тема - это, естественно, женщина. И она, женщина, естественно более восхитительна и более захватывающая, чем тема о ней.

Разве разнузданность той же политики может сравниться с загадочностью женщины?

Именно женщине принадлежат слова: "Лучше любить и заниматься любовью, нежели воевать и видеть насилие". Правда, далеко не случайно эти слова принадлежат женщине такой свободной страны, как Швеция. У нас, к сожалению, часто встречаются женщины, дикие, упертые и бездарные, такие же, как и наши политики. А это тоже один из самых страшных дефектов нашего общества. Мы почему-то забываем, что даже разнополюсные крайности всегда

---

¹ Из текста песни Александра Галича

и во всем стоят рядом. Так и в женщине скромность, застенчивость и ограниченность может резко упасть в расхлябанность, наглость и распушенность, что мы зачастую и наблюдаем.

Но что ни говорите, а любовь - это искусство.

Никто и ничто меня не сможет убедить в обратном. Не случайно во всех видах, жанрах, во всех направлениях искусств - львиная доля посвящена любви. И заслуженно. Мы все влюблялись. И каждого из нас любили. Согласитесь со мной в том, что сила, глубина и высота любви зависят от развитости интеллекта, умственных способностей и психологической уравновешенности. Есть еще и физиологические особенности: внешний вид, лицо, тело, части тела, принимающие участие в физическом выражении любви и т.д., но это уже вторично... (Быть может...)

У любви три врага: дикость (отсутствие интеллекта), застенчивость (нездоровая психика), ограниченность (слабость ума). Все остальное - следствие. В любви, как и в политике нельзя бороться со следствием. Даже, более того, вообще нельзя концентрировать на нем внимание.

30.08.93

А что такое алкоголь? Уход от реальности, забвение? Или проявление слабости? Или поиск выхода огромного количества скопившейся энергии для выхода которой нет пути, нет объекта и нет направления? Или может наоборот, отсутствие энергии и жизненных сил?

Увы, мы привыкли во всех бедах во всех проблемах искать виновных и как только виновные находятся, сразу потираем руки и начинаем придумывать приговор. Увы, мы в своей дикости даже не задумываемся о методах, о возможных методах решения проблем и тем более не задумываемся о последствиях того или иного метода. Нас интересуют только быстрые результаты. И чем мнимые, ожидаемые, результаты пленительней и ближе, тем упрямей мы не желаем задумываться над последствиями.

04.09.93

В воскресенье бросил писать неожиданно. О любви нельзя так, как бы между прочим, о любви можно писать до бесконечности. В принципе-то обо всем нельзя между прочим, особенно если оно волнует, а если не волнует то и писать не стоит, потому, что все что не искренно - либо вранье, либо вода... Пустота, ничто.

В пятницу во Владивостоке подписали договор на судно для транспортировки арматуры в Шанхай и сразу получили информацию от заказчика, что он не имеет возможности обеспечить нас документацией, необходимой для вывоза из страны его арматуры, по той причине, что сам не имеет ее, как и права на вывоз арматуры. А в среду уверял, что до вторника следующей недели документы будут у нас на руках. Короче говоря, шизиловка непревзойденная. И ничего не хочется предпринимать. Ладно, доживем до понедельника. Помнится, фильм есть с таким названием, но с куда более емкой смысловой загрузкой... И с истинностью значения того, что определяется словом «Счастье»...

Что-то я не о том...

Всю жизнь стремлюсь быть независимым, но, увы, чьи-то разгильдяйства и халатности, а так же гонор и задвижки¹ красных², косяки³ со стороны местных распоясавшихся дебилов, возомнивших себя мафией, и, к сожалению, нечистоплотные поступки заказчиков, контрагентов и их ошибки, недоработки, не дают строго следовать намеченным планам, мешают многому. Всему.

Наверное, чтоб ни от кого и ни от чего не зависеть, нужно жить на необитаемом острове или где-нибудь вдали от всех и от всего. Но это тоже, невозможно или, во всяком случае, мне не принесет желаемых результатов, так как один без представительниц милого прекрасного пола я жить просто не

---

¹ Ярко выраженное проявление предельно крайней умственной недостаточности должностного лица.

² Так на Российском побережье Тихого Океана в настоящее время называют работников правоохранительных органов.

³ Глупые, дикие, вне моральных принципов, поступки, плоды которых пожимают другие.

смогу, а жить вместе, не считаясь с желаниями и пусть даже прихотями, если они, конечно, никому не приносят вреда, я не сумею. А ведь женщины настолько же капризны и упрямы, насколько милы и очаровательны. И что мы без них? Ничто. Но мы даже сами себе не в силах в этом признаться. Они же в свою очередь, чем сильнее чувствуют нашу зависимость, тем несноснее. Некоторые особи нашего пола демонстрируют женщинам свое, вроде как, равнодушие к ним, за исключением половых инстинктов. И, естественно, женщины к ним тяготеют гораздо сильнее и это происходит только потому, что суть женщины не приемлет факта равнодушия к себе. Они, увы, об этом абсолютно не задумываются.

Эдуардовна (моя жена – *давно уже бывшая /примечание 2001г./*) смотрит по видео "Королеву варваров". Фильм отвлекает. Не столько сценарием, сколько обилием красивых, умеющих с достоинством держаться, женщин. В настоящее время женщины больше выкаблучиваются, чем держатся, впрочем, и мужики тоже.

В понедельник на работе с утра взялся писать, но не получилось, хоть и дел было не много. В течение недели не получилось даже взяться. Сейчас в голове кавардак. Путаются темы. И вообще все путается...

I. Выбор по принуждению

1973 год, начало лета, лежу на крыше дедовского дома и всматриваюсь в звезды через восьмикратный бинокль. В моем распоряжении очень ограниченный отрезок времени. Стемнело в половине первого, а в половине четвертого небо начнет светлеть. Сколько осталось времени – не знаю, оторваться от звезд даже для того, чтоб взглянуть на часы – невозможно. Они несравненно ближе, доступнее. Их видно гораздо больше, чем "невооруженным" глазом. Отрываю бинокль от глаз. Вглядываюсь. Действительно, через бинокль их несравненно больше.

Ловлю себя на том, что упустил возможность взглянуть на часы. Мысли о времени и приближенные звезды перед глазами сливаются во что-то вечное, бесконечное, непостижимое, даже страшное. Понимаю, что страшное потому, что непостижимое. Пытаюсь понять, осознать, осмыслить...

Прихожу в себя, вернее начинаю себя воспринимать. Ощущения, владеющие мной, отступают потому, что небо начинает слегка светлеть. Хочется запечатлеть состояние, из которого упорно выводит приближающийся рассвет. Это что-то особенное. Страх, вызванный осознанием своей сверхмикроскопичности, начинает проходить. И проходит с приходом понимания того, что возможно где-то там, наверняка, существует жизнь. В какой-нибудь форме, но существует. И там, на одной из планет, которая вращается вокруг одной из звезд, так же на крыше дома деда, лежит мальчишка, у которого утром тоже последний экзамен в школе и "вооруженным" глазом рассматривает звезды. Мысли, и чувства у него такие же. Чтобы нам легче было обмениваться мыслями и чувствами, нахожу звезду, вокруг которой вращается его планета. Это, как я понял, маленькая звезда, которая находится рядом со второй звездой в ручке ковша Большой Медведицы. Маленькая она потому, что она очень, очень далеко. Так далеко, что вторая звезда в ручке ковша Большой Медведицы находится как раз ровно посередине, между моим солнцем и солнцем моего собеседника. Я понимаю, что и он правильно нашел звезду, вокруг которой вращается моя планета, где на крыше дома деда я в бинокль смотрю на него. Нас захватывает наш диалог. Мы все сильнее и уверенней начинаем чувствовать и осознавать себя частью всего Этого Вселенского. Мы не можем найти слова определяющего Это, потому что Это больше чем Вселенная. Не размерами, а могущественностью своей. Мы понимаем, что нам не представляет никаких трудностей встретиться, что любой из нас может прямо сейчас оказаться на крыше у другого, но как это сделать, мы почему-то не знаем. Но, в то же время мы знаем, что ни с какой сверхъестественной или технической помощью нам встретиться не удастся... При этом знаем, что способ есть. Просто он утерян нашими предками.

Рассвет поглотил звезду моего друга. Более яркие звезды еще заметны на светлеющем небе и ориентируясь по ним, я всматриваюсь в то место, где должна находиться звезда, контакт с которой прерван таким хорошим, земным утром.

Восход солнца застает меня на крыше. Часы показывают три сорок восемь. Мысли о добром, о чем-то человеческом. Но как всегда, когда Душа размякает, мысли катятся как по ступенькам вниз к реальности, к проблемам, к безысходному "почему?"... Действительно, почему никто не хочет тебя понять, но от тебя требуют понимания? Почему, если ты не понял или недопонял - на тебя обижаются, сердятся, ругаются, а если не поняли тебя - тебе ничего не остается, кроме как принять глупый вид и создать видимость того, что ничего не случилось?

Дед, наверное, не спит. А если и спит, то очень чутко. Мне жаль его будить, но сегодня экзамен по геометрии. Я спокоен абсолютно. По всем теоремам, из тех, что есть в билетах, я пробежался глазами еще неделю назад и выяснил, что все помню. Но все же "на всякий пожарный случай" по варварски вырвал из учебника листы с тремя наиболее сложными. Решать задачи я умею, а на вопросы уж как-нибудь отвечу. Мне повезло, что экзамен по геометрии оказался последним и как раз за геометрию я не переживал.

Эгоизм и понимание того, что поспать все же нужно, заставляют совершить спуск с крыши. Крыша влажная от утренней росы. На том месте, где я лежал контрастно выделяется сухое пятно моего силуэта. Нога соскальзывает, я повисаю на пальцах рук, долго не могу ногой нащупать опору. Обошлось благополучно. Спустился. Первая мысль о том, что если б сорвался, то не сдал бы сегодня геометрию и обязательно бы что-нибудь сломал. Вторая - вот деду бы от "предков" досталось. А потом уже пронеслись в памяти случаи, когда проносило на волосок от трагедии. А если ЧП и происходило, то все равно по минимуму. В последний момент все решалось наилучшим образом.

Кажется, учась в классе пятом, шел по забору вокруг весоремонтной мастерской. Забор был около трех метров высоты. Вдруг, под ногой

шевелинулась планка и расставшись с равновесием, я начинаю заваливаться во двор весоремонтной. Внизу, в месте, куда я должен упасть, стоят металлические бочки с вырезанными крышками. Всё. Но невероятным, вне законов физики, движением я кручусь над забором, бьюсь бедром о его торец и падаю уже по левую его сторону. Там не слаще, утрамбованный глинозем с торчащими из него камнями. Отсутствие дыхания, круги перед глазами, рядом никого....

Спустя год на озерке устраивали бои на плотках. И вот, схлестнувшись на моем плоту с Юркой К. в "рукопашной", мы падаем в воду. Так как я сталкивал его, пытающегося залезть на мой плот, в воду вхожу с внушительным ускорением. Достигаю дна, там полно водорослей. Пытаюсь всплыть - увы. На руках водоросли, ноги совсем погрязли в водорослях, воздух кончается. Заставляю себя прекратить конвульсивные движения, сажусь на корточки на дно, руками вырываю водоросли с корнями из дна, изо всех сил отталкиваюсь ногами. Успеваю, вынырнув, вдохнуть воздух и снова погружаюсь. Под водой освобождаю ноги от водорослей, за один раз не успеваю. Из последних сил вскарабкиваюсь на ближайший плот.

Кажется, тем же летом сам смастерил "поджиг". Испытания прошли успешно. И вот соседские петухи устроили трезвон под бабушкиными окнами. Бабушка пришла после смены и попросила их отогнать, так как они мешали ей отдохнуть. Я забиваю усиленный заряд, засыпаю дробь. Прокравшись вокруг дома, выглядываю из-за угла. Вот они, как на ладони. Прицеливаюсь, поджигаю порох на планке, и почему-то в последний момент отвожу голову влево. С ружья я стрелял с раннего возраста и никогда не отводил головы, не закрывал глаз во время выстрела. Выстрел. Глаза обожгло горячим и красным. Над правым ухом что-то больно задело голову. Нащупываю руками то, что осталось от "поджига"... Три дня перед глазами стоял белый туман. Потом стал различать силуэты. В правом глазу еще долго не устанавливалась резкость. На лице, до крови, соскребал синие, от ввевшегося пороха, язвочки, которые еще долго не заживали...

Двери дед оставил открытыми. Прохожу. Постель постелена. Раздеваюсь, ложусь и сразу засыпаю.

Прасковья Ивановна (учитель математики) оттягивает мой заход в кабинет, в котором постоянно находятся не более пяти одноклассников, сдающих экзамен, и в который я рвусь с неудержимой силой. Наконец она запускает меня, тяну билет, протягиваю председателю экзаменационной комиссии: "Билет номер два". Поворачиваюсь на голос Прасковьи Ивановны: "Кто-нибудь готов отвечать?" В кабинете сидят и готовятся, пожалуй, самые слабые знатоки геометрии из нашего класса. Я, вдруг, понимаю свою миссию, но даю себе команду, не братья за шпаргалки для одноклассников до решения своей задачки и подготовки ответа на вопрос. Председатель комиссии отправляет готовиться, но следующая реплика, строгой Прасковьи Ивановны, вгоняет меня в шок, страх, волнение, во власть нервной дрожи: "Еще чего, Хацаюк будет готовиться". И уже обращаясь ко мне: "Бери мел и сразу отвечай". Я конечно без запинки рассказал теорему, прямо на доске решил задачу и ответил на вопрос в билете и несколько легеньких дополнительных. Сразу после моих ответов председатель комиссии объявил: "Пять". И продолжающие готовиться одноклассники проводили меня страдальческим взглядом.

Очень долго я злился на Прасковью Ивановну за то, что она так жестоко поступила со мной лишь для того, чтоб я был лишен возможности помочь одноклассникам. Уже потом, со временем, я понял, что моя миссия, с ее веления, заключалась в создании дополнительного времени для их подготовки.

Все. Я простился со школой. Я уже очень давно решил со школой проститься после восьмого класса. На это решение никому не дано было повлиять. Хоть с седьмого класса меня и учили более приятные, более умные и более человечные учителя, все равно продолжать учебу в школе мной было не приемлемо.

...

Стихи я начал сочинять в тот момент, с которого себя помню. И еще в первом классе, не зная некоторых букв, писал их на уроках, радуясь возможности фиксировать их на бумаге. Первый мой учитель, Вера Васильевна, показывала мне как пишутся буквы, которые мы еще не изучали. С первого по четвертый класс я постоянно писал стихи на уроках и это всегда сходило с рук. Даже, кажется, Вера Васильевна, напротив каким-то образом это поощряла. Но вот мы перешли в пятый и буквально с первых дней я столкнулся с неверием моих одноклассников в то, что мои стихи – это мои стихи. Однажды, на уроке русского языка я написал три стишка. Две одноклассницы, прочтя их на перемене, убежденно высказали уверенность в том, что я такие написать неспособен. Я подхожу к учителю русского языка Клавдии Михайловне и кладу перед ней на стол раскрытую тетрадь со стихами. Она ни слова не говоря, ни о чем не спрашивая читает, находит ошибки (ошибок нужно признаться больше, чем достаточно) и выводит жирную **двойку**. На этом не начавшийся поэтический контакт с преподавателем русского языка и литературы был окончен. Впрочем, и стихи из меня перестали лезть на бумагу бесконтрольно. Я просто перестал их записывать, вопреки наставлениям Веры Васильевны.

Помню, гнусную ехидну, Сашу Корниловича. С первого класса он вел себя просто омерзительно со всех сторон. Его почему-то боялись все мои бывшие одноклассники, хоть он и был, самым мелким, самым гнилым и самым рыжим в классе. Этот гадкий комок мерзости ходил королем в классе. Естественно, я категорически плевал на все его выбрыконсы, а Корнилович не смог смириться с тем, что его влияние распространяется не на всех. Кажется, уже во втором классе мы с ним устроили грандиозную бойню. Естественно, я его побил, но нужно отдать должное его бойцовскому характеру, так как для того, чтоб он признал свое поражение мне пришлось в кровь разбить ему рот, нос, набить под глазами синяки. Для меня эта бойня кончилась вывихнутым большим пальцем на левой руке. Несмотря на то, что у него был старший брат, он заложил меня своим родителям и через школу мне досталось от моих "предков". Старшему

брату на меня повлиять не удалось, верней не дали. У нас был хоть и не многочисленный, но очень дружный и правильный во взаимоотношениях двор.

После той бойни, Корнилович постоянно искал повода со мной сквитаться и влезал во все драки, в которых я принимал участие, на стороне моих противников, по какому бы поводу они не происходили. От моих предложений выяснить отношения "один на один", он отчаянно уклонялся, а поддавливать и прочие мелкие выходки, было вне "Устава" нашего двора. В классе же, не только "Устава", а даже морали никакой не существовало. Среди мальчишек, единственно с Баева Сашки может что-нибудь получиться и мне очень жаль, что наша дружба вдруг прервалась. Возможно, что-нибудь могло бы получиться из Сашки Виноградова, если б он не был хронически болен дерганностью на почве зависти. Хоть с ним мы даже не пытались быть друзьями, чем-то я его раздражал, мне почему-то всегда его было жалко. Антоник Виктор хорошо учился и умел держаться с достоинством.

Девчонки же, наоборот, выделялись индивидуальностью. Они меньше кичились друг перед другом и были гораздо дружнее. Да и умней были гораздо. Красавица Галина Рудометова, заносчивая Алла Смирнова, человечная и добродушная Людмила Кобылинская и акселератка, впитавшая в себя все самые наилучшие человеческие качества не в ущерб умственным способностям, Лариска Черненко. Единственным заметным недостатком у нее было неувядающее желание прихвастнуть достоинствами своих предков. С Лариской нас многое объединяло, в первую очередь то, что она, кажется до пятого класса, жила в нашем дворе, а значит и "Законы" двора отложили на ней свой отпечаток. Когда "сверх умные" наши одноклассники еще не понимали что такое намек, Лариска уже могла общаться с помощью недомолвок. Я как-то высказал ей сей, мною замеченный, факт, а она с улыбкой, "невпопад" заметила: "Я же верю, что то были твои стихи". Это происходило в пятом классе и своей фразой Лариска намекнула на Смирнову, за которой я вдруг стал волочиться (иначе это не назвать), тем самым высказав свои отношения ко мне. Именно отношение, а не ревность...

Во всяком случае, мне так казалось.

Соседство с нашим двором дома, в котором жил классный руководитель, преподаватель математики Мазуркевич, отрицательно сказалось на моей успеваемости по математике. Сын Мазуркевича был младше меня по возрасту и по "Законам" двора мне приходилось делать ему внушения, на основании жалоб младших мальчишек, живущих в нашем дворе. Иногда эти внушения завершались смачным пинком по его сальной, как у папаши, заднице.

Мазуркевич-старший был щедр ко мне на единицы, и ловил меня без особой сложности, поскольку я всегда был неугомонным и на уроках частенько отвлекался. Он, монотонно объясняя новую тему, вдруг громко протягивал, ехидно смакуя: "А теперь нам повторит ХАцаюк (умышленно, произнося мою фамилию, жирно ставя ударение на первый слог, вместо правильного ударения на последний)". Естественно я, даже если и следил за его объяснениями, вставал и категорически молчал, после чего следовало неизменное: "Садись. Единица".

"Трудным" я был лишь в области изучения английского языка и самыми заслуженными моими двойками, были двойки по английскому. Именно на уроках английского все мои мысли занимала Лариска. Лишь только после того, как я наконец-то остался на второй год (жаль, что это произошло не в пятом, а в седьмом классе) я понял почему. Она видела, что в английском я дундук и открыто, не взирая ни на кого и ни на что, старалась мне помочь. Она была единственным надежным другом из всего класса, чего, увы, не скажешь обо мне. Между нами еще в начальных классах сложились отношения искренней доверчивости. Мы очень искренно и откровенно обсуждали (и не только обсуждали) такие темы...

Жаль, что ее родители переехали из нашего двора и увезли Лариску.

...

Русский язык у меня просто хромал, да и двойка без разъяснений за мои стихи, существенно повлиявшая на мои "чувства" к Клавдии Михайловне, тоже способствовали приобретению статуса второгодника. Но с первых дней в новом

классе я стал своим. В нем мы встретились с Виктором Бочерниковым, отставшим от того класса на год раньше меня.

Если б в том году, когда я учился в седьмом по первому кругу, отец не уехал и мама с ним не развелась, у меня, может быть, не хватило бы духу остаться, да и отец бы не позволил. Отец больше всех принял участие в моей ломке, тогда когда больше всех в моем формировании "повинен" мой дед.

Первое, что ошеломило учителей это внезапная дружба между самым способным учеником Мишей Шатровым и мной второгодником. Особые усилия в карательных действиях, направленных на прекращение этой настораживающей (лишь очень некоторых педагогов) дружбы, продемонстрировала наш классный руководитель, преподаватель географии, Ульяна Сергеевна. Но со временем, либо ее усилия иссякли, либо мы и родители перестали их замечать. Вообще-то Ульяна Сергеевна безобидный человек и все ее старания, особенно в части изменения естественного хода событий, всегда были тщетны, хоть и кипишу, ну очень много. К счастью, Ульяна Сергеевна и директор школы (он преподавал историю), были единственными учителями, которые преподавали в том и этом классе. Директор был очень толковый мужик и педагог. Во-первых, он никогда и никому не ставил двоек, но заставлял после уроков учить в приемной своего кабинета, и уже в кабинете, согласно живой очереди, с великим пристрастием устраивал, прямо таки допрос по проваленной на уроке теме. После его допросов отпадало всякое желание не знать историю. Так он учил нас знаниям и бережному отношению ко времени. К своему стыду признаюсь, что однажды мне довелось испытать этот оригинальный метод. Во-вторых, в седьмом классе, уже в своем, в начале учебного года, он устроил всему классу мои показательные выступления. После того как я ответил спрашиваемый материал, он, с моего согласия, стал задавать мне вопросы из того, что я изучал в прошлом году, а моим новым одноклассникам предстояло изучить. Так получилось, что импровизированный экзамен я выдержал, и директор со вздохом на весь класс объявил что-то вроде того: "С историей у тебя лады, а мне придется снова учить тебя тому, что тобой уже изучено". В дальнейшем,

даже в восьмом, он почти никогда не спрашивал меня вызывая к доске, но довольно часто, с места, мне приходилось дополнять чьи-нибудь ответы.

Единственный проигрыш в педагогах - это учитель химии Нина Степановна. Не красиво говорить плохо о старших, тем более об учителях, но эта женщина просто чрезмерно не отличалась большим умом.

Хм. Вспомнилась забавная история. Физику, в классе в который я попал и который я в дальнейшем буду называть наш, свой, (я действительно его таковым считаю) преподавал завуч. Фамилию имя и отчество завуча не помню абсолютно, но ученики прозвали его "рубль двадцать - два пятнадцать", упрощенно просто "Рубль". Кличку он получил из-за хромоты. Естественно, хорошим людям клички, связанные с их недостатками, не присваиваются, но преподавал он хорошо. Так вот. В нашем классе, как и в том, тоже был, мягко говоря, отрицательный образ. Это придурковатый по поведению и гоношной по характеру, но относительно порядочный в отношениях с одноклассниками, Саша Гамов.

Идет очередная контрольная по химии, в классе тишина, шелест листов тетрадей, скрип перьев наливных и посвист шариковых ручек (которые только начали появляться), посапывания от напряженного усердия... И вдруг зловещую тишину прямо разламывает пополам истошно визжащий голос пресловутой Нины Степановны: "Гамов, ты зачем на уроке девочку за ноги трогаешь?!". Класс вздрагивает, взрывается и валится со смеху. Гамов, обескураженный, резко встает, дергано швыряет в сумку учебник, тетради и прочее свое имущество и уже направляясь к двери, на ходу, через плечо громко, резко, но униженным и оскорбленным тоном, швыряет: "Это Вас... Рубль в учительской за ноги трогает!". Мы, перегнувшись пополам, поползли со стульев...

Интересное сравнение возникло. Если в нашем классе осмеивали и серьезно не относились к низкому, гадкому, подлому и с уважением и признанием к таланту и индивидуальности, то в том классе напротив гадость становилась пугалом, а индивидуальность презирали и уничтожали из зависти, выискивая всевозможные, даже самые мелкие, недостатки. Там Корнилович всех держал в

страхе, здесь же над Гаммовым просто посмеивались. Пусть простит меня Саша Гамов за сравнение. Ни гнусностью, ни подлостью, в отличии от Корниловича, он не обладал.

В нашем классе не было зависти. В нашем классе были личности. Петр Капкин, Сергей Лучкин, Михаил Шатров, многие, почти все. Да вообще все. Без исключений.

Тот же разгильдяй и непоседа Вова Герасимов писал несравненно совершеннее стихи, нежели Саша Виноградов (тот класс). Я даже не сравниваю со стишками Сережи Тихоновича (тот класс) и до сих пор не могу понять: как в шестом классе можно было писать стишки о Великом Ленине и коммунистической партии?

...

Конечно, с Лариской Черненко ни одна из девчонок не смогла бы сравниться, пусть простят меня девчонки нашего класса, и может, поэтому у меня практически не было никаких, более или менее доверительных контактов с девчонками, за исключением Лены Чугуновой. И хоть Ленка далеко не самая красивая в классе, но самая компанейская и самая непоседливая, с очень сложным характером, и сидели мы за одной партой.

Однажды, в восьмом классе, после урока математики мы еще не успели освободить кабинет, а в него стали заходить мои бывшие одноклассники. Девчонки, увидев меня, окружили Прасковью Ивановну и этак пренебрежительно и смешливо, с нескрываемым любопытством: "Как наш (слово "наш" меня обескуражило) Хацаюк учится?". Прасковья Ивановна раскрыла журнал на своих предметах, на алгебре и геометрии...

Выходя из класса, я успел увидеть как физиономии "бывших" дико потупились. (Алгебра и геометрия - это единственные предметы, по которым в журнале стояли пятерки, с изредка встречающимися четверками.) По остальным предметам в нашем классе я был твердым троечником, твердым потому, что основными были тройки с легкой примесью четверок и двоек, и иногда просачивающимися единицами и пятерками. К счастью, по английскому

учитель оказался гораздо гуманнее, нежели тот, что преподавал в том классе, но это, к сожалению, не отразилось на моих знаниях английского языка.

Больше всего мне, конечно, доставалось от Прасковьи Ивановны. Она не только математике учила, а и жизни, не задумываясь над тем, как она будет выглядеть в глазах учеников. Прасковья, так мы ее называли “за глаза”, могла очень сильно, но заслуженно обидеть и, главное, с пользой для обижаемого. Проходило не мало времени после обиды, прежде, чем заметишь произошедшие в тебе перемены. Перемены происходили глобальные, прямо-таки со сменой значимостей. Мы боялись Прасковью. И очень уважительно к ней относились. Не потому что боялись. И, не помню ни одного случая, что бы Прасковья Ивановна кому-нибудь незаслуженно сделала замечание.

Многое связанное со школой всплывает в памяти, а чему еще в этой "зеленой" памяти всплывать? Школа, пионерлагеря, рыбалки, охота, хоккей, двор, который, к сожалению, пришлось покинуть почти одновременно с тем классом. Крыши... А в этих крышах – чердаки, которые мы почему-то чердаками никогда не называли. Да и по сути, это наши и полигоны, убежища, отели!.. Наш двор окружали замечательные крыши. На них мы познавали очень многое, ну очень... Есть, все-таки, что помнить этой зеленой памяти.

А сейчас позади школа. Родители вместе с бабушкой и сестрой уехали в отпуск в направлении Украины и Средней Азии. Школьные экзамены я сдал уже в их отсутствие. В их отсутствие, по их же настоянию буду поступать в наш Алданский политехникум с первым потоком.

На выпускном вечере мне чертовски грустно. В большей степени, от того, что присутствуют бывшие одноклассники. Мне совершенно не хочется почти никого из них видеть, а они подходят, пристают с какими-то глупыми вопросами и расспросами. Какое им до меня дело? Ведь у меня нет никаких до них дел. Школьный ВИА из десятиклассников играет, пожалуй, терпимо, но симпатяшка Людмила К. из параллельного нашему класса поет красиво. Мне очень нравится как поет эта, довольно-таки привлекательная и всегда мне нравившаяся, не смотря на всякие гадости, которые про нее все рассказывают,

симпатичная девчонка. Я понимаю, что про нее ерунду говорят, потому что она не только мне нравится и уже давно дружит с парнем из десятого класса нашей школы.

Не знаю, почему так получается, но держусь я как-то обособленно, один. Все начинает надоедать. Все как-то не так. Сонм несовместимых чувств и отторжение всего и вся. А может это до боли знакомое ощущение ненужности, только в новом более активном состоянии обостренности. Паршиво. Учителя даже в такую минуту в роли надсмотрщиков. Выпускной близится к завершению. Последние минуты в школе. Когда наши дорогие учителя начнут нас выпроваживать из актового зала, многие традиционно направятся к Ороченскому мосту и выискиваю, из начинающих группироваться, подходящую компанию. На выходе из зала сталкиваюсь с двумя Танюшками из второй школы, им пришлось пересечь пол города, чтоб добраться сюда, и выясняю, что они тоже на Орочонский. Это очень далеко от их домов. Знакомы мы по пионерлагерю и с одной из них дружил я, с другой мой товарищ. Зимой дружбы затихли и так получилось, что я стал дружить с Танюшкой своего товарища, правда инициатором этой дружбы была Танюшка товарища. Она любила писать мне интригующие и сердечные записки... Хоть со времен наших «дружб» прошло не менее двух лет, мы, взаимно обрадовавшись встрече, мгновенно решили составить отдельную свою компанию, и никого не дожидаясь и не догоняя, направились в направлении Орочена. Танюшки, взяв меня под руки, жизнерадостно стали повествовать события произошедшие с ними с момента последней встречи. Стало легко и забавно от такого поворота событий, и неожиданного приобретения очень приятной компании. Я лукаво старался представить продолжение этого, по всей видимости, много обещающего, вечера. Судя по настроению девчонок и их ответам на мои каверзные с намеками вопросы, они тоже довольны, что я оказался их компаньоном на сегодняшний вечер, который обязательно должен продлиться до утра. Шли мы легко, нас обгоняли компании, а нам некуда было торопиться, у нас было все сперед...

Мы и не заметили, когда сзади нас никого не осталось, а спереди навстречу нам, откуда-то из кустов, на дорогу один за другим высыпало с десяток человек. Возглавлял шайку шпаны неугомонный отморозок Саша Корнилович. Девчонкам я довольно резко приказал идти дальше по дороге, но Татьяны еще не успели отойти и на метр как мне прилетело в глаз... Я мог бы повоевать. И не хило. Но как-то сразу решил проиграть без сопротивления. Быть может потому, что знал, что они давно уже носят "перья". А если "перья" пойдут в ход (а "перья" в ход пошли бы, так как воевать я умею, а они сплошь стадное ссыкунство)... Что будет с девчонками? Все происходило на глазах у Татьян, они так и остались стоять чуть поодаль на дороге...

Мы спустились к реке. Я умылся. Глаз заплывал с невероятной быстротой, хмель который не брал весь вечер, стал туманить мозги, оставляя одну мысль: "Через неделю вступительные экзамены в политехникум, нужно срочно выводить синяк".

Многообещающий вечер с Танюшками не состоялся...

Уже дома, лежа с примочкой на глазу, я сожалею, что не послушал уговоров Татьян остаться. Жалею о сломанном вечере с Танюшками. Чувствую, что еще долго буду об этом жалеть. Но как ни странно, у меня даже злости нет на Корниловича. Ладно, б, вдвоем, втроем, а то одиннадцать на одного и при девчонках. Вот она и сущность целинского бздиловатого геройства. Почему целинского? Стадо этих шавок жило в районе города, которое в народе называлось целина.

Когда в настоящее время я смотрю на нынешнюю стадную веерную шушеру, то непременно всплывают ассоциации.

Прошло десять дней со дня объявления Ельциным о роспуске парламента. По "ящику" сообщают, что вокруг Белого дома кольцо милиции, а Руцкой с Хазбулатовым продолжают раздавать оружие. Во всем этом кавардаке меня интересует только ответ на один вопрос: "Что Руцкого связывает с

Хазбулатовым?" А как же с пословицей "Гусь свинье не товарищ?"... Или кто-то из них в маске? Время покажет...

***

В "технарь" экзамены сдаю с ходу, без подготовки. Вечерами и ночами возле дома деда брякаем на гитаре, покуриваем Ароматные. Я предлагаю свалить на недельку или хотя бы дней на несколько в лес, на одно из мест, куда зимой бегаю на охоту. Ванька Гуцин и Валька Винокуров, товарищи по дедовскому двору, меня поддерживают и в лес уходим впятером. С нами Светка и Наташка. Отличные компанейские девчонки - подружки по дедовскому двору.

Я показываю брошенную шахту, в которой эки в ручную, в годы войны добывали слюду. Все изумлены, особенно девчонки. Никто не верил в существование этой шахты, и считали что я ее придумал для того, чтоб затащить их так далеко в тайгу. В глубь далеко пройти не удалось, у входа стоял лед, а по мере удаления от входа начиналась вода, было сыро и холодно. До этого я бывал в этой шахте только зимой и эффект нужно сказать противоположный - чем дальше, тем теплее.

Более богодульного время провозждения в тайге у меня ранее не было. Напридурялись мы действительно "выше крыши". Девчонок Ванька завозил на своем, уже стареньком, мотороллере через прииск Ленинский и когда не хватало спиртного или продуктов, на нем же мотались в прииск. Затем Ванька учил нас с Валькой управлять своей, выдавшей виды, технике по дороге ведущей на драгу. Не помню, кто из нас был за рулем, когда мотороллер улетел с дороги по отвалу вниз. Мы втроем пытались его вытолкать по отвальной россыпи на верх к дороге.

Тому, кто не знает что такое отвалы, оставленные после прохождения драги, трудно представить наши усилия. Отвалы это искусственные горки-холмы высотой, от уровня воды, от пяти до десяти метров, иногда и выше, состоящие в основном из валунов, размеры которых превышают размер колеса мотороллера раза в два, как минимум.

После долгих усилий, мы вытолкали двухколесное Ванькино “чудо” к дорожной насыпи, а там до дороги рукой подать. Но поскольку появилась возможность передвигать мотороллер, используя умение колес вращаться, Иван завел двигатель, включил передачу и нам оставалось только его поддерживать. Но, Ванька запнулся, падая, крутанул ручку акселератора, мотороллер вырвался из рук и самостоятельно рванул к дороге без нашей помощи... Мы с ужасом наблюдали как он стал заваливаться чуть-чуть не дотянув до дороги и кубарем полетел сверху на нас. Я и Валька успели присесть, втянув в себя головы, но мотороллер всей массой опустился на голову Ивана, единственную голову которую, к счастью, прикрывал шлем. Вмятина на мотороллере от шлема одетого на голову Ивана оказалась самой огромной вмятиной на несчастных боках техники. Ванька еще долго поносил нас на чем свет стоит, а мы, как пострадавшему, ему все прощали.

В зимовье на ночь натопили, как в бане и мы со Светланой предусмотрительно легли на нары находящиеся дальше от печки и от глаз. Валька с Наташкой заняли нары у печки, Иван же, соорудил себе тахту из охотничьих лыж, которые нашел еще днем на крыше зимовья. Он перекинул с нар на нары две дощечки и на них разместил лыжи. Его оригинальное по выдумке сооружение оказалось предельно не практичным. Валька то и дело (как он заявлял: "Совсем ненароком") выбивал ногой одну из дощечек на которых лежали лыжи и бедный, и без того пострадавший Иван, летел вместе с собственноручно сооруженной конструкцией на пол зимовья. Где-то к середине ночи, видать устав от падений, он стал подбрасывать в печь дрова под всеобщее возмущение. Затем часто открывал дверь произнося: "Что-то паленым запахло".

Наташка почти всю ночь пыталась зажечь свечу, и изредка ей это удавалось. Мы же со Светкой отчаянно протестовали и тщетно пытались маскировать благостное оцепенение. Света, веснушчатая шатенка привлекательной внешности, с уже прекрасно сформировавшимися женскими формами, вызывающими восхищения, провоцирующие ужасно нестерпимый

соблазн, мне очень нравилась. Ей было около или чуть более пятнадцати, я старше всего на год или полтора. Физической близости, в полном понимании этого слова, у нас не было. Она держала меня в волшебном плену, прижимая ко мне свое свежее благоухающее тело, и неловко отвечала томными поцелуями, когда я слегка дотрагивался до ее мягких горячих губ...

И снова Наташка просит зажечь свечку, а когда ей отказывают, садится на нарах и чиркает спичками, вперив в нас любопытный взгляд, с пренебрежительно-неприятной усмешкой. Света замирает в объятьях, заставляя меня ощущать мелкую дрожь ее ног...

Из всех ночных приключений, это самое стабильно повторяющееся...

Проснувшись, мы застали Ивана спящим в полувисячей позе на лыжах, наперекосяк свалившихся одним концом на пол.

Утром, когда отсутствовали девчонки, нам с Валентином раскрылся секрет часто раскрываемой ночью двери. Ванька с фразой: "Что-то паленым запахло" - вынырнул из зимовья и мы с Валькой носами уловили качество воздуха в содержание которого Ванька ввел остро обоняемые изменения.

Всем было здорово, но пришлось возвращаться раньше намеченного срока, так как Наташка стала проявлять какие-то непонятные недовольства сказывающиеся на настроении окружающих. Наташка была довольно-таки симпатичная девчонка, но характерец...

...

Все это лето я провел с товарищами из дедовского двора. Ближе к осени, к началу учебного года у Светки появился друг со второго курса политехникума, у него я впервые увидел как берутся аккорды на шестиструнной гитаре. После недолгих попыток поставить хоть один, бросил это занятие. К тому времени я уже умел между кое-как и сносно, брякать на семиструнке.

Тоска одолела только когда всей группой, не успев толком перезнакомиться, прибыли в захудалый якутский колхоз, в котором не было даже бани и не жило ни одного человека не якутской национальности. Я умудрился подружиться с одним из якутских пацанов, который потом учил меня

ездить верхом на лошади без седла. Занятие болезненное, но научился. За колхозный период не сумел обзавестись друзьями из своей группы, даже наоборот возникли какие-то глупые конфронтации. Но это вначале, а потом все вместе с голодухи по ночам лихо воровали курей из курятников и варили в огромном котле куриный супчик на всю ораву.

Учеба в техникуме как-то со старту не пошла. Обострение по поводу отказа от вступления в комсомол. Математика, любимый школьный предмет, стала каторгой. Все серо, посредственно. Скрашивала серость лишь техникумовская "общага" где с разных курсов, с разных групп находились личности. Да и жил у деда, совсем рядом...

Новый год встречаю в "общаге" у своих однокурсников. До двадцати четырех сабантуйничаем в комнате, а как только начинают бить куранты со всех комнат толпа вываливает в коридор, у каждого в одной руке стакан, в другой бутылка. Пока я разливал шампанское в находящиеся поблизости стаканы, моя кружка оказалась до краев наполненная чем-то черным. В нее были налиты коньяк, водка, шампанское и разные марки вин. Я, и без этого находившийся в уже достаточной степени опьянения, выпиваю содержимое своей кружки и спустя пару минут понимаю, что мне кранты. Одеваюсь и отчаливаю домой к деду.

До дедовского дома от общежития метров семьсот. Дохожу вдоль "общаги" до угла, дальше без опоры нужно пересечь дорогу. Отпускаю стену, сразу падаю в снег и долго не могу подняться. На улице за тридцать градусов мороза. Все же умудряюсь, падая и поднимаясь, пересечь дорогу. Каждый раз после очередного падения мысль "не поднимусь - замерзну", заставляет через "не могу" подниматься вновь. Руки и ноги совсем не слушаются, но как ни странно, мысли работают и цель добраться до дому не покидает сознание, как и сознание не покидает меня. Добираюсь до дома и с трудом вскарабкиваюсь на крыльцо. Сил хватает открыть дверь в теплые сени, втискиваюсь, опираясь на

стены, закрываю за собой дверь, отпускаю ручку двери и сразу падаю. Расстаюсь с сознанием...

Просыпаюсь на следующий день, в обед, на кровати.

Как я потом болел... Страшно вспомнить.

Сегодня 4 октября 1993 года.

Очередная Российская осень в своем амплуа. Везет России на осенние бунты и перевороты. Уснул после четырех сорока, а в начале одиннадцатого Эдуардовна растормошила меня со словами: "В Москве началось". А в Москве снова разгул государственного бандитизма, жертвы. По ящику поочередно выступают обозреватели, политики и "бывшие" депутаты, принявшие сторону президента. Вот и я взялся с ходу высказывать свои мысли. Ну прямо как среднеазиат, что вижу, то и пою. Только без "длинный палка два струна", а во Write на ноутбуке.

Все понятно и естественно. Происходит сейчас то, что неизбежно должно происходить. Это подразумевалось изначально, как и августовские события 1991 года. Также легко предсказываются продолжительные распри, местами кровавые, после раздела огромного единения народов продолжающегося веками...

При ведении дел политиков, таким образом, каким они ведут дела, только такие события нас и могут сопровождать. Интервьюируемые, из причастных к политике, констатируют происходящее, как страшный урок, который получила демократия. Чепуха! Это не больше и не меньше как несостоятельность власти. Это просто неумение президента руководить страной. А по-другому у нас быть и не может.

Еще с юности анализируя руководство страны, тогда еще коммунистическое, брежневское, я пришел к выводу, который, впрочем, неоднократно подтвердился. Заключается этот вывод в том, что в этой системе не может быть во главе страны грамотный, умеющий руководить, руководитель, так как в верхние эшелоны власти нужно пробиваться, используя

далеко не конструктивные методы. Путь коммунистического взлета: предательство и подлость в отношении одних и лизание задниц другим. Поэтому пройдя путь от регионального депутата до руководителя страны, личность деградирует еще на уровне первого секретаря какого-нибудь райкома. Что может человек в абсолютном совершенстве изучивший принципы прихода к власти, каждодневной головной болью которого, на протяжении многих лет, страх: как бы не подставиться? Он может за краткий срок, используя приобретенные знания и опыт, снова прийти к власти. Увы, на большее, он не способен. Он не умеет руководить с целью созидания, по-хозяйски. Но привык командовать по холуйски. Для отчетности. Для того, чтобы красиво отрапортовать. Не более.

Лично я, как и большинство, голосовал за Ельцина на выборах президента потому, что он был более демократичен среди претендентов. Единственный имеющий опыт бороться за власть, как нам казалось, не коммунистическими методами. На референдуме мы, большинством, подтвердили его в качестве президента. Уполномочили его на замену верховного совета профессиональным парламентом, поручили ему организовать работу по разработке и принятию новой конституции и обязали проводить реформы в жизнь. А Борис Николаевич не справился с обязанностями и обязательствами, которые возложил на себя, право выполнения которых мы ему доверили и подтвердили...

06.10.93.

Ну вот, бунтари в “кутузке”. А зря. Им нужно было случайно погибнуть при обстреле Белого дома. Начнутся компроматы, найдутся желающие освободить, а значит новая смута, новые жертвы, отвлечение на урегулирование и в результате, отсутствие конкретной работы. А может он и сам их выпустит, предварительно сторговавшись: свобода на компромат собранный против него. Наверное, в первую очередь именно этот факт побудил Ельцина закрыть ряд оппозиционно настроенных средств массовой информации. А это - глупо. Единомыслие страшно как факт. И своими последствиями. К тому же мы уже

знаем методы и результаты коммунистического подполья. Пожалуй, наш президент заразился от Хазбулатова с Руцким агонией, а президент не имеет права на подобные болезни, особенно когда страна в критической ситуации, созданной им же.

2. Мытарства

Учеба в "технаре" не доставляла никакого удовольствия и первый курс коротал еле-еле. На лето стал формироваться стройотряд и я, не задумываясь, одним из первых изъявил желание. Набирали чуть более пятидесяти человек, из которых десятерым предстояло лететь на Сахалин, остальным на Лену в порт Жатай. Из окончивших первый курс, на Сахалин выпало только двоим, мне в том числе. Повезло. Техникум заказал для стройотрядовцев форму в Алданском ателье Новинка. Форма, нужно сказать, получилась отменная и в корне отличалась от всесоюзной: курточки типа флотских фланок цвета морской волны, моднячие кепчѐнки и расклешенные брюки из ткани типа парусины мягко-бежевого цвета.

Сданы экзамены за второй семестр, окончен первый курс. Стройотрядовцы поочередно, группами покидают Алдан в направлении Якутска, даже те, кому выпало на Сахалин, хоть это и в противоположную сторону. Потом, в Якутске выяснится, что нам, десятерым нужно просто дополнить ВССО ЯГУ (всесоюзный студенческий стройотряд якутского государственного университета). Наконец пришла наша очередь отлета и Ил-14 красно-белого, северного окраса, взмыл в небо. В полете второкурсники написали песню, с которой, уже на Сахалине, многие из нас начнут свое обучение игры на шестиструнной гитаре, ежедневно терроризируя Сашку Потапова.

Вот ревет на взлете красная машина,

Снова покидаем дом родной.

Скоро нам созвездья Сахалина

Засверкают, встав над головой.

"Десять из Алдана, ах какие страсти...» -
Удивлялись все, просто беда:
"Ах, куда вы парни, ах, зачем вы, парни,
Там же ведь кругом одна вода".

Клёшами метем мы улицы чужие,
Вспоминая прежние деньки...
Жажда пошататься, в море искупаться
Далеко уже нас занесли.

Я, ударившись в воспоминания, не принимал участие в коллективном творении. Перед глазами пронеслись лирические события минувшего года. Уже поздней осенью, на танцах, я познакомился с привлекательной, но довольно-таки посредственной, девчонкой со второго курса медучилища Людмилой П. Приехала в Алдан она из Черского, что в устьях Лены. Дружили мы с ней долго и примитивно, даже ни разу не поцеловались. Постоянно провожая ее с танцев из РДК до общежития медучилища, и за период этой дружбы я просто устал от всевозможных разборок¹ с ее поклонниками, к счастью заканчивающихся моим преимуществом перед конкурентом. Я ее, по всей видимости, не интересовал, но она никогда не возражала против того, что провожаю ее именно я - видать, устраивал в роли телохранителя...

В начале марта, на празднование своего семнадцатилетия, я пригласил восхитительную очаровашку по имени Оля, первокурсницу того же медучилища. Она была высока ростом, с золотистыми волосами, обрамляющими кукольное личико с маленьким ротиком, окантованным пухлыми губками. Без малейших телесных изъянов. Присутствие Ольги, единственной представительницы милого пола, напрочь вытерло из памяти друзей, принимавших участие в пиршестве. Родители, немало потратившись и организовав праздничный стол, предоставили нам полную свободу. Изрядно подвыпив, Ольга упорно учила

---

¹ Тогда, в семидесятых, это слово отсутствовало в нашем лексиконе, а слова его заменяющего я как-то не припомню. Да и существовало ли оно вообще?

меня целоваться. Наши губы сливались в долгих и страстных поцелуях во всех уголках небольшой двухкомнатной квартирki, не взирая на взгляды и реплики присутствующих. Эх, если бы тогда все эти присутствующие догадались поотсутствовать...

Ольга еще часто обнаруживала себя у меня в гостях за полчаса до прихода матери с работы...

Она была, пожалуй, первой красавицей в городе, с широким кругом знакомых и большими познаниями. Дружба с ней продолжалась не долго, хотя и была очень приятной. Мы не ругались, просто встречи как-то прекратились сами собой, впрочем, как и начались...

В Якутск прилетели поздно и сразу в Аэропорту пристали придурки переростки. Попросили побрякать одну из наших гитар, а когда мы садились в такси, не хотели ее возвращать. Один из "отчаянных" лег перед колесами, нами заказанного, такси, за что и получил вдоль спины тормозным шлангом от водителя.

В уличном туалете возле общежития ЯГУ, я прочел гениальные строки о поэзии:

“Писать на стенках туалета, увы, друзья, не мудрено...

Среди говна мы все поэты, среди поэтов мы говно”.

И сразу вспомнилось, сколько стихотворной мишуры я, забросивший баловаться стишками в пятом классе после рецензирования Клавдией Михайловной, прошедшей зимой посвятил Людмиле Полецкой...

...

Белые ночи...

И клопы в общежитии ЯГУ вынуждали нас бродить по Якутску ночами, а днями ездить в Жатай к нашим техникумовским стройотрядовцам, готовившимся к бетонным работам в порту.

Вскоре нас, переодев во всесоюзную форму ВССО, отправили в Южно-Сахалинск через Хабаровск. Я впервые увидел город, в котором родился. До этого мне доводилось бывать в Иркутске, Москве, во многих городах и деревнях на Украине, объехать Крым (все с родителями), но в Хабаровске я был впервые. Также впервые мне предстояло увидеть Тихий океан и таинственный, загадочный, манящий романтикой Сахалин.

Южно-Сахалинск, весь зеленый и праздничный, встретил нас замечательной погодой. Нам предстояло работать на путине в поселке Стародубское, раскинувшем свои крылья по берегам залива Терпения. Мы, уже обладавшие информацией о том, что нас будет всего восемнадцать парней среди ста пятидесяти семи девчонок (восемь парней и все девчонки из ЯГУ), рвались с неудержимой силой к конечному пункту, в котором нас тоже ждали с нетерпением.

На подступах к Стародубскому мы сбросили с себя выданное в Якутске “обмундирование” и в лагерь стройотрядовцев заявили “перечехленные” в свою, Алданскую форму. Фурор конечно произвели, правда не такой какого хотелось бы.

К работе приступили на следующий день. Селедка шла полным ходом и мы, если приходила эРБушка¹, как правило, в ночь, занимались засолкой. Если солить было нечего, то катали бочки, в которые девчонки укладывали уже просоленную селедку. Мне больше нравилась засолка, т.к. это более ответственный и сложный производственный процесс из всего, что нас заставляли делать. Нужно было уметь все делать последовательно и правильно: слой селедки, слой соли, слой льда, слой соли и снова слой селедки. Когда не было эРБушек, отбойными молотками долбили лед, грузили сто двадцати килограммовые бочки в холодильник или из холодильника в вагоны.

Нас разбили на смены, которыми руководил бригадир из местных, по имени Герман. Мужик в годах и прекрасно знающий все профессии и специальности, необходимые для осуществления всего технологического процесса. В начале, мы пятеро стояли на одном чане, потом легко, втроем закидывали чан без единой осечки. Я стоял на соли и левая рука к концу смены отваливалась напрочь. Соль нужно было кидать большой совковой лопатой веером, чтоб она равномерным слоем покрывала слой рыбы, слой льда и снова слой рыбы. У меня, по уверениям Германа, это получалось лучше всех. Наверное, сказывалась хоккейная сноровка. Когда пошла красная рыба, наша смена работала только на засолке. Андрей с Генкой Гражданкиным ровными рядами укладывали рыбу ряд за рядом, слой за слоем, а я успевал чередовать слои льда и соли, в случае надобности кидаясь, к пропущенному лотку с рыбой.

Герман нашу троицу почти не контролировал. Изредка неожиданно появлялся, говорил комплементы, что-то подсказывал, совершенствуя уже приобретенный нами опыт, и обязательно дожидался перекура. Перекуривая с нами, он обязательно рассказывал какой-нибудь анекдот или подкалывал на

---

¹ РБ - малое рыболовецкое судно.

счет наших девчонок. Чаще всего Герман говорил о Светкиной попе. Уж больно она ему нравилась. Мне же, сначала Светка нравилась вообще. Но подколки и убеждения Германа заставляли все чаще и более серьезно созерцать и восхищаться Светиной попой...

Светлана была славная и красивая женщина, но так получилось, что дружба, которая у нас с ней завязалась легко и быстро, стала давать трещинки как раз потому, что она была славная женщина, а я бестолковый и ретивый пацан. Ей бы меня осадить, научить, наконец, а она обижаться. На бестолковых обижаться нельзя, их воспитывать надо, учить...

Герман еще часто мне повторял: "Выучишься, будешь людям мозги компостировать, а из тебя бы толковый работяга получился..."

Герман умный, грамотный, ответственный человек с колоссальным жизненным опытом. Много его слов въедалось в сознание.

Но самое главное. Честно говоря. Я с вниманием относиться к женским попам стал только после рассуждений Германа...

...

Не знаю когда и как, но Генка Гражданкин познакомился со стройной миниатюрной миленькой девчонкой из Южно-Сахалинска, куда мы частенько стали ездить на электричке. Генкина девчонка, познакомив нас со своей подругой, устраивала нам сногшибательные экскурсии по городу. Мы излазили весь парк имени Гагарина, подымались по канатно-кресельной дороге на турбазу "Горный воздух" и на Большой трамплин. Время проводили интересно и общеобразовательно. Иногда они приезжали в Стародубское...

Бывало, сбегали от повсеместного присутствия представительниц прекрасного пола на речку. В пределах лагеря, кроме как в нашей комнате, в которой мы жили вдесятером, скрыться от женских глаз было невозможно.

Симпатичных девчонок среди стройотрядовцев было, как это принято говорить, более, чем достаточно. Глаза разбегались. А вот умных и интересных, пожалуй, очень мало. Умных было чуть по более, нежели чем интересных.

Я всегда молодо выглядел, часто улыбался, и там, в стройотряде на Сахалине я отчубучивал первую хохму связанную со своим возрастом. Когда меня спрашивали, сколько мне лет, я отвечал: "Семнадцать...", - и после многозначительной паузы, сопровождаемой интригующей улыбкой, или после реплики недоверия добавлял: "С половиною"... Так я в один день заключил около двух десятков пари и все разом выиграл.

Более добрые, интересные и с взаимопониманием, отношения у меня складывались с гораздо старшими девчонками, которые уже явно были женщинами, а я вот, придурок, оставался пацаном... Это среди такого количества, таких красивых, таких уже созревших и все познавших... Особенно мне запомнилась очень красивая интересная молодая женщина с восхитительной статной фигурой, высокого роста, с милым, классическим греческим лицом, и роскошными длинными, золотистыми, мягкими волнами спускающимися по плечам, исключительно прямыми волосами. Мы с ней, бывало, вели доверительные, приятные и полуприватные разговоры в основном вечерами в столовой. Она задавала интригующие вопросы, вводящие меня в смущение, но, не выдавая подкатывающих к горлу волнений, я бесшабашно отвечал, скрывая свои симпатии обращенные к ней. Я не знаю, понимала ли, чувствовала ли она мои отчаянные влечения и желания, скрываемые под наигранной мальчишеской бравадой, но мы так и оставались приятными собеседниками. Она была самой красивой величественной и статной женщиной, с которыми мне, к тому времени, выпадала честь общаться. Конечно, это глупо, но больше всего меня смущал ее рост, рядом с такой принцессой я бы даже на шуту не сгодился. Поэтому я ничтожно совмещал волнение и доверительность разговоров с самой прекрасной женщиной с ухаживанием за Светкой, потом поочередно еще за двумя другими девчонками, имена которых стерлось в памяти. Правда запомнилась славная девушка с черными, в мелкую кучеряшку, пышными волосами по имени Белла. Не потому запомнилась, что имя редкое, а кажется, я ей действительно нравился. Возможно, даже очень сильно.

На работе мы выматывались "в доску", и возвращаясь со смены, чтоб снять усталость, для хохмы, на всю деревенскую улицу затащивали Интернационал. Пели, нужно признаться, очень дружно, твердо и уверенно потому, что чувствовали себя, как голодные рабы... Эта хохма нам помогала воспрянуть и не завалиться спать сразу после смены, как это частенько делали другие смены...

Как-то в комнате, когда были практически все наши в сборе, возник разговор на политические темы. Началось с взаимоотношения СССР и США, а потом приступили к обсуждению политических и социальных строев и направлений. Монархизм, анархизм, социализм, коммунизм и прочие. Изредка, в рассуждениях и споре промелькивал здравый смысл, но фанатизм некоторых оппонентов и бессмыслица продолжения серьезных дебатов, заставили меня переходить на придурь и провозглашать себя социал-демократом, в утопии чего, уже тогда я не сомневался. При этом я рекламировал лозунги чистой анархии. К своему удивлению, я видел, что многие поняли мой съезд на придурь, но были и такие которые продолжали спор на полном серьезе. Ситуация была забавной. Я придурялся вовсю. И после, там, на Сахалине, частенько использовал эту тему для придурки. Так веселей жилось.

Потом эРБушки стали приходиться пустыми, а после и вовсе перестали выходить в море. Наша работа стала заключаться только в катании бочек, при заполнении их рыбой, при погрузке набитых рыбой бочек в холодильники и из холодильников в вагоны. Тяжело и нудно. Девчонки группами стали покидать Сахалин. Мы ездили в Южно-Сахалинск их провожать и было грустно с ними расставаться. Я нравился одним, мне нравились другие, а все взаимные симпатии были окружены какой-то глупой и скромной нерешительностью. Когда улетали мы, а мы улетали последними, Генку провожала его Сахалинская подруга, а меня подруга его подруги. Я к собственному стыду забыл их имена, но помню лица, и очень хорошо помню, что тоже было дико грустно...

Мы привезли домой кто по двух, кто по трехлитровой банке красной икры. В те годы этот приятный и естественный продукт не радовал столы северян не в

силу дороговизны, а по причине всемогущего социалистического блата. Дешевого разбазаривания всех ресурсов страны. Все на экспорт и своим чуть-чуть. Чтобы правительству и блатным хватало.

Деньги я, естественно, отдал матери и мне было очень приятно, что первых самостоятельно заработанных мной денег хватило ей на шубу. Кажется, это была первая ее шуба.

Так пролетело лето 1974 года, второе самостоятельное лето в моей жизни. К нашему возвращению наконец-то закончился монтаж приемной антенны и в Алдане появилось телевидение.

У меня в течение трех дней по возвращению, распухла рука, которую проколол еще месяц назад на Сахалине. Хирург раскромсал ее в трех местах и сказал, что еще пару дней и было бы поздно. Моя группа была в колхозе и вот-вот должна вернуться, после чего сразу начнутся занятия.

Второй курс, с наличием специальных предметов, стал интереснее. Днем учился в техникуме, вечером ходил на вечерние курсы в автошколе и посещал тренировки по вольной борьбе. Умудрялся гонять хоккей, то во дворе дедовского дома, то со слепневцами на площадке возле ЮЯЭС и делать вылазки на охоту либо в район Хвойного и Колтыкона, либо с Мишкой Имбриковым и Валеркой Бабичевым за, так называемую, Радио-гору. Так же стабильно, два раза в неделю, посещал фото кружок в техникумовском общежитии, который вел очень приличный фото-художник. Плюс ко всему увлекся магнитофонными записями и частенько, у Володи Кузнецова, притащив к нему тяжелую, ламповую Чайку, днями переписывали и переписывали, беседуя на светские темы и попивая что-нибудь содержащее около сорока градусов. Каждые субботу и воскресенье бегал на танцы в РДК, изредка провожая какую-нибудь девчонку. Первый семестр пролетел со скоростью света и я его еле-еле вытянул.

Преподаватель химии, очень спокойная и мудрая женщина, на последней паре, зачитав любимые из собираемых ею из года в год отзывов о

преподаваемом предмете, попросила и нас написать свои. Из меня моментально выплеснулось:

Нравится ль химия мне? Что ответить?

Химия, в общем, не сложный предмет.

Химию знать, это знать все на свете...

Люблю ли её я? Отвечу Вам: "Нет!"

И за такое объективное и чистосердечное признание в мой адрес прозвучало такое же объективное, но более лаконичное: "Стихоплет".

В преддверии Нового года меня выловили мои одноклассники, которые не покинули школу и тот момент учились все вместе в десятом. Они так же сообщили, что собираются составом восьмого класса, без присутствия тех, кто влился в наш класс с девятого, у Ленки Чугуновой. Я вспомнил, как мы всем восьмым классом праздновали Новый год, как было весело и дружно. Как я успокаивал зареванную Ленку, которую изрядно выпившую, уложили в отдельную комнату, дабы хмель вышел...

И вот мы, спустя два года, отмечаем приход 1975-го у нее. Какое-то анархистское разброд-шатание. Каждый вроде как сам по себе и тут же все друг другу рады. Каждый хочет друг с другом выпить, но все вместе собраться для того чтоб выпить всем вместе, не могут. Поэтому приходится пить часто и много, для того, что бы выпить с каждым. Только ставишь рюмку и тут же слышишь: "Сергея, а с тобой мы пили?" Пока пытаешься вспомнить, рюмка уже наполнена, и снова приходится пить, произнеся и/или услышав тост.

Направляясь на празднество, знал, что максимум внимания и ухаживаний с моей стороны будет обращено в адрес Ленки. Увы, она, поглощенная хозяйской суетой, отмахивается от меня как от назойливой мухи. Все вместе сумели собраться за накрытый стол перед самым боем курантов. Было здорово у Ленки. И грустно. Не тоскливо, нет. Мне было просто грустно. Такая лирично-рассудная грусть. Я всех, вдруг, воспринял такими, какие они есть на самом деле, со всеми достоинствами и недостатками, со всеми причудами и

чудачествами. Сквозь хмель, с болью в сердце, вдруг осознал, что все вместе мы уже никогда не будем праздновать праздники. Каждый из нас по своему распорядится своей жизнью, и она, наша жизнь, раскидает нас по всей своей шире, ограничив каждого своим отрезком времени. Мне ничего не хотелось для себя...

Вдруг, кто-то из девчонок крикнул, что во дворе драка и все кто услышал, ринулись из дому... Во дворе действительно стояло побоище. Наши, их в этот момент было меньше, дрались с какими-то забредшими бандюгами. Когда в руках забредших увидели обрез, в ход пошли поленья. К счастью мы навалились так дружно, что бандюги обрез применить не успели. В суматохе трудно было что-то разобрать, но по моему никто, из выскочивших во двор, не остался безучастным. Таким был наш класс и, наверное, не только мне будет его не хватать. Каждого из нас жизнь будет крутить-вертеть и у каждого будут возникать ситуации, когда рядом не окажется своих...

Вскоре веселье продолжилось. Я помню, что подолгу разговаривал со всеми, особенно с Ленкой. Мне казалось, что мы все понимаем друг друга, мне не хотелось, чтоб кончалась эта ночь.

...

Уже после этого праздника многих из них я так и не встречал до сих пор.

А хотелось бы.

...

Первого числа в РДК медучилище совместно с техникумом организовали студенческий Новогодний бал по пригласительным билетам. Было напыщенно и шумно. Работал буфет и разгоряченная публика с пьяно-беззаботным выражением на лице азартно принимала участие в разнообразных конкурсах, устраиваемых массовиками-затейниками, командированными от “технаря” и “меда”. Я же, в курилке на спор с девчонками из “меда” выпил бутылку шампанского из горлышка в один присест. Потом долго курил на улице, пока отрыжка не прекратилась. Зарекся, таким образом, пить шампанское.

На балу Людмила Полецкая, танцуя со мной поведала, что у нее есть кавалер, но на балу он отсутствует. Пожелал, очень искренне, всех благ, в очень корректной форме. И, хоть сильно щемило сердце, хватило ума не поплестись ее провожать, как обычно.

Четвертое января. Снова РБК, заканчивается заключительный из танцевальных вечеров посвященных чествованию наступившего 1975 года. Объявили, что следующий танец будет последним, а заключительным танцем в Алданском РДК был исключительно Семь-сорок. Народ начинает кучковаться. Предпоследним музыканты заиграли танго, и ко мне неожиданно подходит Людмила К, та самая, которая пела песню из репертуара Мирей Матье на выпускном вечере после восьмого класса и которая очень многим нравилась в школе. Я уж было подумал, что Людмила, вдруг, решила предложить мне, чтоб я ее пригласил на танец, а она, взяв меня за руку, просит проводить ее домой. Наверное, у меня был нелепый или недоуменный вид, так как Людмила поспешила объяснить свою просьбу тем, что одна идти боится, потому что знает, что за ней увяжется некто, кто ей сильно неприятен. У меня чуть было не сорвался с губ, до ужаса глупый вопрос... Я вспомнил, как мы однажды летом, случайно встретившись, пол дня пробродили по городу. Просто так нечаянно встретились, нечаянно разговорились, и нечаянно бродили. Просто бродили по городу о чем-то болтая. А ведь нас никто никогда не знакомил, мы нигде никогда не сталкивались. Просто когда-то видели друг друга на школьных переменах...

В этот раз мы медленно брели по зимнему Алдану. Я думал о том, что она очень рано начала дружить с парнями гораздо старше ее по возрасту, я же, если и старше, то максимум на год. Еще я вспоминал детство в своем дворе. Не вообще детство, а то, как между мною и девчонками из нашего двора происходили натуральные, но, естественно, с детскими пониманием и ощущениями, совокупления. (Там, в детстве, я был решительней в этом отношении.) Я вспоминал, как в пятом классе ухлестывал за заносчивой Аллой

С. Вспоминал пионерлагерь, Танюшек со второй школы и Татьяну П. с Дражного. Вспоминал Людмилу Полецкую, Ольгины поцелуи, девчонок из ЯГУ на Сахалине... Под мерные маленькие шажки по маршруту через добрую треть промерзшего города между нами завязался непринужденный, доверительный разговор, который закончился фразой: "Дальше я уже сама. Спасибо". Я, еще не успев сообразить, что мы уже пришли, догадался пригласить ее в кино. Больше в Алдане просто предлагать нечего. Она догадалась принять предложение...

Мне все же интересно, почему и для чего совершились события третьего, четвертого октября? Загадок очень много. Особенно для антиполитического провинциала. Что все же связало Руцкого с Хазбулатовым? Как политик, Хазбулатов равен нулю. Зарвавшийся чучмек¹ с манией величия развитой до дебилизма. В случае его победы, разразился бы пожар, который по пролитой крови превзошел бы Первую Российскую Гражданскую Двадцатого Века. Благо, что преданные Руцкому командиры, проявили благоразумие и вынуждено предали кумира, во избежание предательства России. (А то, что Руцкой имел преданных военачальников я не сомневаюсь. Он конкретный солдафон. А вояки, особенно чины, это уважают.) То, что Хазбулатов со временем устранил бы Руцкого, не терпя рядом авторитетного конкурента - не вызывает сомнений. На что надеялся Руцкой? Временно объединится с Хазбулатовым для устранения Ельцина? Но что дальше? Неужели он настолько глуп? Не нужно быть даже мало-мальски политиком, чтоб понять, что после Сталина и шумихи вокруг него, не бывать во главе России, даже временно, не имеющего в паспорте «национальность - русский». Тем паче, симпатизирующего коммунистическому режиму. Руцкой надеялся, опередив, убрать чеченца? Глупо. Стоило только им победить Ельцина, как сами они, как политики, просто растворились бы в пучине вспыхнувших страстей и количестве более весомых претендентов. Потом, история вскроет факты и будет вовсе не удивительно, если Руцкой окажется "мальчиком для битья", а не просто хреновым политиком.

---

¹ Я не нацмен, но все-таки...

. . . .

Но, почему Ельцин сразу после референдума не разогнал Верховный совет? Питались с одной кормушки или коррупция, к которой сам имеет отношение, была менее развита чем у конкурентов которые водили Руцким и/или Хазбулатовым? Если с одной кормушки, то естественно нужно замести следы, уничтожить компроматы и оградиться от посторонних глаз. Но если он независимый президент - на это должно было уйти гораздо меньше времени и танки не понадобились бы. Задержка могла происходить по причине нервных срывов и размежеваний тех, кого первоначально задумывалось оставить среди своих. Но в большой политике, если она в дерьме еще не по уши, это не фактор.

. . . . .

С выводами проще:

Великой Руси со всеми составляющими и примкнувшими пришел конец не в силу сложившихся исторических факторов, а по причине личных амбиций нынешнего правителя, что для России не ново.

“Дергающему веревочки” Ельцин демонстрирует строптивость, а тот ставит Николаевича в позу политическими методами, устраивая парад неограниченности способностей и возможностей. А Руцкой с Хазбулатовым - слабый десерт в большой игре, щекотание нервов и регулирование рейтинга президента, не более. И игра только разыгрывается....

Что может быть нужно “дергающему”, не гнушающемуся ничем и уверенно манипулирующему большой политикой? Очень большие деньги. Что самое сверхприбыльное знает мир? Наркотики и оружие. Если Борис Николаевич не легализирует его бизнес или не даст “зеленую улицу” - на внешнем рынке по оружию он не встрянет в струю, а значит организует рынок внутри, убивая двух зайцев: делая деньги и досаждая президенту. Возможно “дергающий” в настоящий момент имеет самое прямое причастие к Армении и Азербайджану, Грузии и Абхазии, Таджикистану, готовя почву в других регионах СНГ. А вот Чеченская беспредельщина: политика и поведение Дудаева, распоясывавшиеся группировки по всей стране и банковские аферы - тоже не без его участия, уже

внутри России. Если успели обложить войсками как Приднестровье - может быть и обойдемся без большой крови. Но, если вдруг, где и начнется военный конфликт с участием наших войск, то обязательно затяжной и кровавый, так как будет он глупым политически и бестолковым стратегически...

И выходит что кремль, это всего лишь механизм, напичканный шестеренками, обеспечивающими стабильную работу канала слива и отмыва, ну очень-очень больших денег...

А ведь эти строки были написаны еще в 1993-ем(!) обыкновенным предпринимателем малой руки. И что? Они там, в Кремле и Белом доме этого не понимали?.. Прим. 1996 г./

***

В техникуме что-то вроде коротких зимних каникул, но я обречен посещать занятия в автошколе, хотя и ведет их мой отчим, который, к тому же, директор автошколы. Единственной поблажкой было то, что вождение не совпадало с занятиями в техникуме. Но с января мне резко стали надоедать: днем электротехника, сопромат, горное дело, гидравлика и т.д. и т.п., а вечерами материальная часть и правила дорожного движения. Нравилось лишь на машине кататься...

Людмила живет недалеко от автошколы. Уже в конце января, добрая часть времени, которое ранее предназначалось вольной борьбе, хоккею, охоте, фотокружку и меломанству, стало принадлежать ей. В феврале уже встречались почти каждый день, меня тянуло к ней магнитом, она заполняла все мои мысли. Когда она находилась рядом, я про все забывал. Мы не пропускали ни одного фильма, не потому, что были заядлыми киношниками, а потому, что двадцатые места последнего двадцать третьего ряда в кинотеатре Самородок, были единственным нашим пристанищем.

Близился март. Мать категорически отправляла в ресторан праздновать мое восемнадцатилетие, отказываясь отмечать эту дату дома. Меня, тем более категорически, это не устраивало. Я становился дерганым. Единственно, что

меня бы устроило, это всех выпроводить из дома и остаться с Людмилой вдвоем. Я был уверен, что и ее это устроило бы.

Поскольку с матерью найти общий язык не представлялось возможным, Людмила была в неведении о приближающейся торжественной дате. У меня созревало решение, помочь осуществить которое вызвался Володя Кузнецов. Володька был неплохой парень, но его отрицательные выходки, затмевали все, что было в нем положительного. Он единственный из группы, кто жил поблизости от меня. Вова обладал качеством, которое понять и не оценить я был просто не в состоянии. Кузнецова абсолютно не интересовало, какие неприятности, обиды и прочие эмоции у других людей могут вызвать те или иные его действия и поступки. Я же, наоборот, мог попасть в самую нелепую ситуацию только потому, что сам создавал предпосылки к ней своим стремлением кого-нибудь не обидеть или не унизить ненароком.

Правда, часто случалось и случается до сих пор, что люди которым прощаешь, даешь время образумиться или просто помогаешь в ущерб себе, а порой и в ущерб тем, кто остается рядом, как раз и совершают, направленные против тебя и тех, кто с тобой, самые невероятные гадости и подлости.

Эта диаметрально противоположность разделяла нас и в то же время мы как-то влияли друг на друга. На меня, к сожалению, в обратную сторону. Глядя на многие Володиные поступки я думал: "А вот так делать не надо".

Но получается, что иногда именно так и надо, но, увы, сейчас себя переделывать гораздо труднее.

Мама так и не разрешила мне дома праздновать свои восемнадцать и мы с Володей, встав на "беговушки" направились в сторону Хвойного. До Белых камней, пока была лыжня, прошли довольно быстро и после скоростного спуска вышли на снежную целину. Скорость продвижения по снежной целине на беговых лыжах равнялась метров 150 - 300 в час, а впереди до зимовья оставалось еще километров восемь. Когда спустились с "Белых камней" резко похолодало. Мороз стоял ниже тридцати градусов, но нам было жарковато. После падений, которые случались не редко, самостоятельно подняться из

глубокого снега, из-за набитых провизией рюкзаков, было невозможно. Мне еще до одури надоела отчимовская двустволка ТОЗ 53. Два часа отняла, неоправданная попытка гоняться за глухарем. А спустя час не стал стрелять в копылух¹, которые как мишени расселись на голых ветках лиственницы и находились не более семидесяти метров по прямой. Но чтобы их подобрать, пришлось бы преодолеть метров сто двадцать через полтораметровый снежный наст над крутым распадком, устланным стлаником, на что кроме невероятных усилий потребовалось бы не менее часа. Надвигалась темнота. Продолжать двигаться по целине, над летней тропой, стало бессмысленно, по ней до зимовья еще километров шесть - семь. От пота и снега мы были совершенно мокрые и вероятность переночевать у костра в минус сорок, не превышала десяти процентов из ста. Оставалось два выхода. Возвращаться по своим следам до Белых камней, это почти три километра вверх, и если, конечно, месиво, оставленное нами, можно назвать следом. Километр, лесенкой, вверх по укатанному скоростному спуску, пять километров по лыжне до города и километра четыре по городу до дома. Часам к пяти утра, если все пройдет гладко, доберемся. Второй вариант по принципу "С чем черт не шутит!". Можно попытаться рискнуть спуститься к отвалам, оставленным драгой уже довольно давно², пересечь отвалы под прямым углом и выйти на дорогу ведущую на драгу. Там, на дороге два направления: либо к зимовью, либо в прииск Ленинский. Риск троекратный. Во-первых, суметь наугад, не зная и не представляя что под снегом, спуститься к отвалам, не сломав себе шею. Во-вторых, по всей видимости, уже в темноте, найти место, где спуститься к реке и где ее пересечь так, чтоб не "врухаться" в наледь. В-третьих, пройти по отвалам, что и летом не всегда представляется возможным. Но самое рискованное и смешное - а что если дорога на драгу окажется не накатанной?

---

¹ Копылуха - самка глухаря. Помните у Александра Розенбаума: "...где ждут своих тетерок глухари..."? Вот если бы он написал: "Где ждут своих синичек журавли", - абсолютно бы ничего не изменилось, потому что между тетеревом и глухарем также ничего общего, тем более половых связей. Но сколько бы смысла добавилось!

² Это означает, что река вырвалась из-под отвалов и набила себе русло.

Устраиваем перекур. Я Володьке обрисовываю ситуацию и высказываю варианты. Первым отлетает возврат назад, Володька предлагает идти дальше по тропе, хоть всю ночь. Чем дальше дебаты, тем больше он понимает свою утопию. Соглашается, но напрочь отменяет возврат по следам. Решение принято и мы принимаем по граммულке. Водка холодом сковывает горло, но спустя пять минут приятным теплом растекается в желудке. Я умолчал о том, что меня волновало больше всего.

Если что случится с Вовкой, я что-нибудь придумаю. Во всяком случае, сумею запалить костер и, особенно при ответственности за чужую жизнь, продержимся до утра. Но если, что случается со мной - обречены оба, Володя не таежник, этих мест не знает и впервые зимой ночью в тайге. А тут еще такие передряжки вышли.

Вовке, вместо сумрачных тревог, рассказываю вспомнившуюся ситуацию, которая произошла осенью три года назад, при форсировании речки с которой нам предстоит примерно через час встретиться. Я переходил через нее в развернутых болотных сапогах, выбирая более мелкие места, и забредя на песчаное дно, вдруг угодил в дыру. Такие места еще называют "играющие пески", это когда из под дна прямо в реку бьет родник. Вокруг таких мест наносит много песка и если смотреть внимательно под ноги, то можно увидеть как песок шевелится, как бы кувыркаясь. Моя дыра оказалась довольно не хилых размеров. Я, так и не достав ногами дна, уйдя с головой под воду, и, пожалуй, по грудь в песок, успел зацепиться руками за твердое песчаное дно, рванул и встал на четвереньки... Все произошло так быстро, что мои компаньоны поняли что случилось, уже когда все было позади... Один из них, мой одноклассник, потом часто рассказывал: "... На всплеск поворачиваю голову и вижу что плывет Серегин рюкзак. Смотрю вокруг, Сереги нигде нет. Чувствую что что-то не то. Всматриваюсь, рюкзак плывет быстрее течения. Пригляделся, а Серега под рюкзаком на четвереньках по дну чешет изо всех сил вниз по течению..."

Закончив перекур, мы приступили к спуску напрямую.

"Какое страшное время", - по ушам резанула фраза, вырвавшаяся из почти круглосуточно работающего телевизора. Время действительно очень страшное. И началось оно не в семнадцатом, а гораздо раньше. У каждого, кому не все "до ноги", имеется свое мнение, и это право каждого, о дате начала катаклизма на Руси. Я считаю, что истоки потери нации как этнической ценности и как генетического фонда, как индивидуальности личности и как самобытной уживаемости племен и народов на огромном территориальном пространстве, берут начало в безнравственном историческом попустительстве, падении и предательстве царицы Ольги, крестившей Русь. Именно в братоубийственных драках, затеянных Ольгой, впервые на Руси побеждали не умнейшие и сильнейшие, а скопища серых, трусливых, подлых и завистливых, объединенных не менее гадкой, стремящейся к безраздельной власти, т.е. к самодурству, царицы. Именно с тех времен, в крови росичей стали утверждаться гены предательства и зависимости от страха. Гены мести, гены объединения серости против индивидуальности, гены холуйства и многие другие гены, пороки, традиции, вызванные отсутствием права совершенствовать индивидуальность по самостоятельно выбранному пути. Именно с крещения Руси лучшие воины, лучшие пахари, лучшие ремесленники ("руководство" до того как..., всегда выбиралось из лучших в чем-то и достойных) перестали быть в чести и стали презираемы поголовьем. Именно христианство возбуждало лиц причастных к правлению устраивать заговоры, убийства и перевороты в дикой жажде единоначалия и руководстве из-под полы. А сколько всемирного кавардака началось с момента самоуничтожения Руси. Не известно, чем бы закончились крестовые походы, куда бы двинулись татары и рискнул ли бы пойти на Русь мусульманский Стамбул, ранее христианский Константинополь (битый ведийской Русью), целуя задницу которому, Ольга предательски подло, уничтожив цвет нации, унизила и втоптала в грязь, ранее не знавший позора, народ. Именно тогда, народ перестал существовать, так как был превращен в быдло. Для верующего, как я

понимаю, предать своего бога равносильно, что предать свою мать. Нас, в результате, и этому научили. И ничто не сможет обратно превратить в народ это смиренное серое поголовье, корни которого - предательство, живущее по истинно христианско-коммунистическому принципу: “За тебя бог/власть позаботится¹”. Еще древние египтяне изрекли непреклонную мудрость: “Человек обманувший раз, обманет еще раз и еще раз...”² То же распространяется на предательство. Предали корневую веру и поменяли ее на другую, которую снова предали и поменяли на идею. Теперь предали идею и вновь усиленно навязываем религию пришедшую, как и преданная идея через кровь, насилие, братоубийство и предательство... Как и у идеи, так и в религии, у борющихся за привилегияльное превосходство суть едина: народ - овцы, служители религии, или идеи - оракулы! Вспомнились слова:

В сей мир, где тьмы людей перебивало,
Приходит вновь и вновь людей немало,
Чтоб опытом столетий пренебречь
И путь неверный начинать сначала.³

Может быть, перед тем как что-то над чем-то возвышать и чему-то отдавать приоритет перед чем-то - стоило покопаться в истории? Может быть, стоило хотя бы чисто математически тысячу разделить на семьдесят три и полистав историю, вдруг(?), выяснить, что глобальных внутренних кровавых распрей при поголовном принудительном христианстве среди своих и между собой на нашей земле было... Уж куда далеко не четырнадцать за тысячу лет! Кто может гарантировать при такой страшной статистике, что в событиях семнадцатого года этого столетия не замешано, ныне усиленно и навязчиво реставрируемое и возводимое в культ, христианство? Пусть оно имеет своих послушников, но за что всех под одну гребенку? Тем паче, под гребенку, сплошь усеянную вшами? Извольте, господа, и увольте...

---

¹ Утрировано собраны во едино основные моральные и нравственные принципы идеи и веры.

² Бронислав Прусс “Фараон”

³ Владимир Фирсов.

***

Спуск к отвалам, к нашей неожиданности, занял совершенно не много времени и прошел довольно-таки успешно. Внизу, продуваемый ветрами и пронизываемый морозом, снег был покрыт твердым настом. Уяснив, методом провалов и выкарабкиваний из провалов, что наст с южной стороны значительно тверже и держит уверенно, лишь изредка предупредительно потрескивая, мы довольно быстро пересекли гряды. Выход на укатанную дорогу мы, как и задумали, отметили расположившись прямо на дороге, где нас и застала ночь. Когда глаза привыкли к лунному свету, мы упаковали рюкзаки, встали на лыжи и замерли раскрыв рты...

Гряда отвалов, переламывая и отражая лунный свет, расщепляла тайгу надвое и сияющей волнистой полосой уходила, казалось, в бесконечность. Зрелище просто фантастическое. Окутавшая нас крошечная тьма подчеркивала нереально иссиня-белый снежно лунный путь, уносящийся к звездам.

Мы двинулись по обочине накатанной дороги в направлении зимовья. Мороз усиливался и явно перевалил за минус сорок. Перешли на лёгкий бег. Мышцы, разгоряченные бегом, внутренности разогретые водкой и глаза опьяненные созерцанием прятавшейся за деревья серебристой лунной рекой, делали нас частичкой вселенной.

Вскоре гряда окончательно скрылась из виду и мы, легко скользя по твердой обочине припорошенной снегом, не заметив как восемь километров скользнули под наши лыжи, чуть было не проскочили место, где нужно было сворачивать с дороги. Я остановился. Володя наткнулся на меня.

- На зимовье или на драгу?

- На зимовье.

Вовка был уверен в своих силах. Перекурив на обочине, мы покинули дорогу. Нам предстояло вновь пересечь гряды отвалов, но уже другую, протянувшуюся с востока на запад, а не с севера на юг, как та, которую мы успешно проскочили. Таким образом, нам придется идти то по насту, то по сыпучему снегу. Перспектива не радовала. Найти верный путь тоже не

представлялось возможным. Темно. Ориентиры не то что не просматриваются, а не видны вообще. Володя, не смотря на мои протесты, достаёт и включает прихваченный им фонарик. Результат, как я и предполагал, отрицательный. Фонарик нарушил адаптацию глаз к темноте, но видимости не добавил. Его луч растворялся в не далее трех метров, не давая теней даже от близлежащих холмиков, не говоря уже об отвалах.

Я перебрал в памяти все, что могло бы послужить ориентиром и ничего, кроме того, что слева от озера, на берегу которого построено зимовье, проходит ЛЭП, вспомнить не смог. ЛЭП где-то недалеко должна пересекать гряды и дорогу. Мы решаем, двигаясь вдоль проводов, пересечь последнее нагромождение отвалов на нашем пути.

Когда Кузя наконец-то потушил фонарик, мы разглядели почти над нами, покрытые инеем провода.

Продвигались очень медленно, абсолютно ничего не видя вокруг и под ногами. Где-то слева светилась первая гряда, с которой мы распрощались около двух часов назад. А у нас даже лыж под ногами не было видно. Я шел, если можно так назвать наше ерзанье, впереди. Володя вновь включил фонарик, но на этот раз я не протестовал. Фонарик высвечивал хотя бы то место, куда предстояло поставить лыжу, но за пределами луча - темнота. Хоть я и представлял степень риска, но свободное падение ощутил неожиданно до такой степени, что успел довольно-таки громко и протяжно выкрикнуть: "Пи_дец!".

За столь продолжительный период падения можно было успеть высказать более продолжительную много содержательную фразу. Падение действительно продолжалось долго... Вначале просто провалился и свободное падение. Потом, почувствовал, что лыжи слегка коснулись снега, затем последовательно коленом, бедром, плечом ощутил, что скольжу вдоль, почти вертикального, снежного наноса. Скольжение прекратилось мягко, даже, относительно ожидаемого, нежно. Володин фонарик маячил где-то на уровне звезд. Во всяком случае, размером от звезд не отличался. Кричу: "Кузя стой на месте, там снежная шапка, сорвешься!". В ответ слышу: " Ты жи...", и далее шум падения.

Представляя, как Володя свалится на меня, втягиваю голову, но он прекращает свое падение в метрах пяти выше и не менее пяти в стороне. Хохочем...

После долгих попыток пройти отвалы, наткнувшись на глыбы льда (там, где должны быть котлованы), возвращаемся на дорогу. Сил не осталось никаких. По обочине дороги, до драги добираемся за полчаса. До нее от места, где мы свернули с дороги к зимовью, оказывается, оставалось не более трех километров.

На берегу, возле драги, стоят вагончики. Ближний вагончик оказывается не запертым и внутри оборудованным подо что-то наподобие актового зала или столовой, ряды скамеек и два стола. Развешанные вдоль стен электронагреватели создают умопомрачительную жару. Часы показывают почти три часа ночи, поэтому мы решаем не искать сторожа или дежурных, снимаем меховые куртки, разогреваем на электрообогревателях тушенку и ужинаем, допивая остатки первой бутылки водки. Хмелеем мгновенно и вскоре уже мертвецким сном спим, разместившись на сдвинутых лавках в разных углах вагончика.

Просыпаюсь от того, что кто-то трясет мое плечо. "Мужики, просыпайтесь, скоро смена придет". Оказывается, что вахтенный нас обнаружил сразу. От него мы узнаем, что он подходил к окну вагончика, когда мы раскладывали куртки по лавкам. Поняв, что мы располагаемся на ночлег, он не стал нам мешать. Он же нам сообщил, что в восемь утра и в семнадцать вечера из прииска Ленинский приходит вахтовка.

Вахтенный напоил нас горячим чаем, мы налили ему сто грамм водки и двинулись к зимовью. Когда с дороги увидели следы оставленные нами при ночной попытке взятия отвалов - ну просто очумели. В месте нашего падения, на дне котлована, громоздились огромные остроконечные глыбы льда, торчащие вверх своими остриями. След моей "посадки" был на расстоянии вытянутой руки от ближайшего острия. Когда возможный вариант приземления прокрутился в голове, по спине пробежал холодок...

Но даже днем для того, чтоб добраться от дороги до зимовья нам потребовалось около двух часов. Зимовье было полностью занесено снегом и если бы нам удалось пройти ночью к озеру...

Только к обеду мы раскопали зимовье и затопили печь. Остатки светового дня потратили на заготовку дров и лишь с наступлением темноты, раздевшись до трико, и развесив над печкой мокрые одежды, в разогретом и вычищенном зимовье расселись по нарам возле стола.

Утром, без лыж, пробираясь по грудь в снегу, отправились к шахте. Подъем был крайне изнуряющий, зато в шахте мы прошли очень далеко. Нашли несколько ответвлений, но к нашему разочарованию они все заканчивались завалом.

Заготавливали дрова, топили печь и поварили совместно. Вовчик в тайге оказался парнем что надо.

Я все время думал о Людмиле. Впервые за последний месяц я не видел ее вот уже два дня.

В ночь на второе марта мы отмечаем мои восемнадцать и к утру спиртного, за исключением двухсот грамм спирта (НЗ), не осталось. К пятнадцатичасам уложили шмотки, перекусили, распечатав НЗ, и двинулись к дороге.

Вахтовка, возвращаясь с драги, подобрала нас почти под Ленинским. С Ленинского до Алдана добрались на рейсовом автобусе.

Дома мать набросилась на меня за "бесстыжее самовольство". Плакала, причитая, что не приняла в всерьез мое заявление о праздновании дня рождения, если не дома, то в тайге. Я, почти ничего не говоря, быстро помылся, переоделся и стал собираться. Отчим все же усадил меня поужинать со стопарем, в честь дня рождения, и уже в начале одиннадцатого вечера, я свистел под окнами Людмилы, уведомляя ее о своем желании увидеться...

Мы идем рядом по слабо освещенной улице. Густой и пушистый снег, огромными мохнатыми хлопьями плавно опускаясь с неба, кружится, создавая непроглядную шевелящуюся стену, и мягким покрывалом опускается нам под ноги...

А еще чуть больше четырех часов назад, я бежал на лыжах сквозь слабую, едва начинающуюся поземку, в надежде на эту встречу...

Но состояние Души совершенно не соответствует окружающему нас очарованию. В груди кипит какая-то агрессивно-возбужденная неудовлетворенность, обострившаяся нервозность рвется наружу. Я не понимаю себя. Я себя ненавижу. Разговор не клеится, чувствуется напряженная внутренняя натянутость неизвестного происхождения, присутствие которой порождает маленькие, расползающиеся как паутина, трещинки, в еще невыясненных, но очень дорогих сердцу отношениях. И в это же время я восхищаюсь погодой, а факт присутствия рядом Людмилы заставляет чувствовать себя счастливым...

Двенадцатый час ночи. Опустевшие улицы. Тишина. Падает снег. Медленно, лохматыми, важными хлопьями. Чудесная погода. Неопишуемая благодать. Мне сегодня восемнадцать...

Рядом любимая...

Мы уже прошли всю улицу Дзержинского и подходили к базару¹, когда я набрался смелости и сообщил Людмиле о том, что мне сегодня исполнилось восемнадцать.

- Поздравляю. И что ж ты гостей бросил? Или они уже разошлись? Олю тоже приглашал? Что, не пришла? Или ты другую приглашал? Тоже не пришла? Или уже проводил и ко мне?

Она очень сильно обиделась и ее справедливая обида выплескивала из нее много ненужных, глупых, обидных и обжигающих слов.

И я, вдруг, взорвался. Меня если и можно было с кем-то сравнить, так это с моим любимым героем Лермонтова: "...И я был страшен в этот миг...". Людмила явно не заслуживала такого перевоплощения. Между нами возникла перепалка и мы с ней в первый раз ругались.

Выйдя к базару, Людмила перешла дорогу, повернула в сторону автовокзала и пошла вдоль забора по тротуару. Я побрел по дороге и нас

---

¹ Так алданцы называли городской рынок.

разделял высокий и, по всей видимости, глубокий сугроб. Она, медленно шла опустив голову и глядя себе под ноги, не роняя ни слова. Я же, возбужденный и злой, громко говорил, наверняка какие-нибудь обидные глупости...

Людмила резко повернулась, ее глаза загорелись, красивые крылья прямого носа, с изящно вздернутым кончиком, затрепетали и сузились и всегда волнующе-влекущие изящные пухленькие губки вдруг обронили: "Я тебя люблю, а ты кричишь"...

Я, в долю секунды перемахнув через сугроб, весь в снегу, уже стоял на тротуаре обхватив и прижав к себе Людмилу. Она пожаловалась, что я ее сильно сдавил, а потом мы обнявшись целовались, целовались, целовались...

Разговаривая и иногда останавливаясь, для выполнения ритуала выражения чувств единственным доступным в ночном зимнем городе способом согревая губы, мы прошли Октябрьскую и дошли до традиционного места наших расставаний. Людмила как-то неправильно освободилась из моих объятий со словами: "Я тебе сказала, что люблю тебя, а ты ничего не ответил"...

После признаний Людмилы, установилась полная гармония между блаженством погоды и очарованием Души. Все бурлящее, кипящее и шипящее исчезло за мизерную долю мгновения до того, как я бросился к ней через сугроб. Счастье (именно оно) до такой степени завладело мной, что я забыл обо всем на свете. Я понимал, что этот день останется самым прекрасным днем в моей жизни. Я знал, что ничего дороже чем "я тебя люблю, а ты кричишь", мне никогда не будет подарено на день рождения. Я ослеп, оглох, отупел от счастья. От счастья же я сделался законченным эгоистом.

...Как теперь объяснить любимой, почему я промолчал о своих чувствах?

И я целовал ее, говорил о любви. О том, что люблю ее той сумасшедшей любовью, которая мучает человека всю жизнь... Слов и поцелуев было много. Очень много. Но что такое просто слова и просто поцелуи на морозе(!?) для Его и Ее, молодых, здоровых, влюбленных друг в друга и давно созревших для высшего проявления чувств?

Какие мы были дундуки...

Долбанная советская социалистическая действительность...

А мораль?

Твою мать...

Вообще-то интересно анализировать (а если точнее, пытаться в слепую угадать) суть политических баталий сидя в хоть и дико агрессивной, но все же провинции. Вокруг происходит немислимый коррумпированный бардак. Что ни проходимец, то если не член местных властей, то обязательно при власти и что ни вор, бандюга или просто охамевший уголовник, то непременно лучший друг или союзник ментов и властей.

Если я стану обличать органы или систему, думаю, что сумею обойтись без оскорблений, хотя это сделать будет крайне трудно.

А вот как раз системе и властям, видать очень выгодно иметь органы состоящие из органов...

Социальные проблемы - это социальные проблемы, экономические всегда останутся экономическими, а право есть право при любой власти - империалистической, буржуазной, коммунистической или демократической. Все зависит от существующих законов, механизмов обеспечивающих их соблюдение и властвующих людей, а не от названия партии или политического строя. Конечно, каждое политическое направление обязано предусматривать свои методы решения всех проблем, существующих в обществе и государстве. Но личный, человеческий фактор руководства имеет колоссальное значение, особенно у нас в России и если люди находящиеся во главе государства чисты (что в данной период времени практически невозможно), то окружение и органы у них соответствующие. Состоятельность власти - это решение существующих проблем способом, удовлетворяющим более многочисленные круги населения, при этом со стабильным усовершенствованием всех институтов государства...

Россия напоминает мне настольные часы в высоком легком корпусе, с неоправданно большим и тяжелым маятником. В начале века колебания

маятника превысили допустимые пределы, но вместо того, чтоб прийти в соответствие со временем, маятник вдруг вывел из равновесия часы и они, увлекаемые маятником встали на торец станины. Казалось бы, часы должны упасть, но маятник, несущийся уже в другом направлении, удержал их и вновь повлек за собой... Еще один, два таких качка маятника и часы рухнут, превратившись после падения в обыкновенную рухлядь. Но вместо того, чтоб как-то погасить скорость полета маятника, все, кто имеет к нему доступ, почему-то наоборот придают ему ускоренное. К чему это приведет? Ясно как божий день.

Что я имею в виду? Переход от рабовладельческого коммунизма к социальному, правовому, экономическому и политическому бандитскому беспределу на государственной основе.

Окрестил я сиё писание "Дневник по памяти", а писать приходится больше о происходящих событиях, нежели о некогда произошедших. Вчера, в очередной раз отсудил у ГАИ свое водительское удостоверение, дающее право управления автомобилем. Начальник находкинской ГАИ, некий Тылец В.В. не ограничился тем, что на суде нес ахиною смысл которой заключается в том, что знание "нарушителем" дня, когда проходят "пьяные комиссии" освобождает работников ГАИ от официального уведомления "нарушителя" о дате "разбирательства". И перед слушанием дела, и после слушания, в здании суда он бросился в публичные оскорбления и угрозы. Это руководитель правоохранительного подразделения, окончивший юрфак. Что тогда говорить о мальчиках, поражающих тупым гонором и хамством, идущих в ГАИ и прочие службы из-за неумения ничего делать и от желания качать права?

Я еще обязательно поведаю о нерушимой, возникшей всего девять лет назад, "дружке" с работниками Госавтоинспекции. Сейчас, после очередной возможности оценить интеллект шефа находкинского ГАИ, я просто не в состоянии говорить о "талантах" и умственных способностях его подчиненных. После того как было зачитано решение, Тылец В.В., начальник Находкинского

ГАИ, с пеной вокруг рта крикнул судье: «Ты у меня сам всю жизнь пешком ходить будешь!» Речь, которую он направил в мой адрес... Я промолчу. Не хочется засорять сие поползновение.

3. Первое самостоятельное решение

Обычно мы расставались в начале Октябрьской улицы. Людмиле, чтоб добраться домой от места наших расставаний, оставалось спуститься по проторенной в снегу тропинке через разрез¹ и пересечь улицу Дзержинского. Мне в противоположную сторону, напротив, в гору до улицы Космачева, этак километра три, которые я с неизменной легкостью каждодневно проскакивал страшно ненавидя необходимость расставаться.

В ночь со второго на третье марта одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года мои мысли занимала не столько сама необходимость расставаться, сколько ее количественное продолжение.

- Не может же так продолжаться вечно. Нужно как-то влиять на неизбежно повторяющуюся каждодневность. Не следовать естественному ходу событий, а развернуть их по своему собственному усмотрению.

Меня многое из происходящего со мной не устраивало и очень сильно хотелось как-то самому распорядиться своей жизнью хотя бы на ближайшие годы. К тому же я отчетливо осознавал степень своего безразличия к горной электромеханике с пониманием того, что никогда не буду работать по этой профессии, что это совершенно не мое.

Несмотря на то, что нашему поколению рационально и последовательно внушался принцип государственности Великой Родины - могущественного СССР, мы, сыны своей отчизны, очень по разному относились к одним и тем же вещам, в частности к службе в ее доблестных Вооруженных Силах. Служба в армии мне всегда представлялась неизбежной далеко не потому, что невозможно избежать, или не хотелось отлынивать. И суть даже не только в часто повторяемом, что служба в армии это долг каждого мужчины. Это было

---

¹ Перелопаченное старателями в двадцатых годах русло ключа Незаметный, протянувшееся страшным кривым и захлавленным шрамом через весь город.

больше нужно не столь для меня как для личности, сколь для моей совести, как бы наивно это ни звучало сегодня.

Однажды, в скандальном диалоге с матерью, я сформулировал: "Судьба - это слово, которое человек выдумал для своего оправдания". И вот предоставляется прямейшая возможность проверить кто сильнее: я или моя зависимость от судьбы. И я кинул вызов самому себе и впервые решил поступить по-своему, вопреки желаниям и причитаниям родных. Это касается только меня самого, значит и право выбора остается за мной. И я сделал выбор.

...

А практически, с позиции сегодняшнего дня, все выглядело гораздо проще. В моей жизни возникла стандартная ситуация "или - или", оставалось только сделать выбор. Либо продолжать изучение ненавистной мне специальности, бегать на свидания с любимой, мысли о которой меня не покидали денно и ночью, и после окончания техникума призваться в армию, три призыва спустя. Либо уйти служить сейчас, со своим призывом, проверить разлукой любовь, и после армии определиться согласно сложившейся ситуации на день демобилизации. Не малым фактором являлось водительское удостоверение, которое я должен был получить уже в марте сразу после дня рождения, и которое в первом случае потребует пересдачи уже через год, а во втором, если повезет, даст возможность усовершенствовать водительские навыки уже в армии.

...

Уже вечером третьего марта я издали и тонко, в виде испрашиваемого совета, стал излагать Людмиле о своих еще не совсем сформировавшихся помыслах относительно моего ближайшего будущего, которые косвенно, как я думал, касались и ее. Людмила подхватила тему планирования жизни и заговорила о том, что хочет петь и не желает оставаться в этом захолустном провинциальном Алдане и еще о многом-примном. Она говорила и говорила. Я же больше слушал и из всего услышанного, мной не воспринимались ее отвращение к Алдану и желание стать профессиональной певицей. Потом я

заступался за Алдан и пытался препятствовать ее профессиональному выбору... Спорили, но в очень дружественной форме, Людмила во многом уступала и соглашалась с моими доводами, вероятно из нежелания создавать конфронтацию. Мы ходили в кино, долго гуляли, целовались, не смотря на хронически обветренные губы. У Людмилы уже не было вчерашнего напряжения и я, перед расставанием, легко и незначительно, как бы небрежно, сообщил, что по желанию могу пойти в Армию после второго курса, то бишь месяца этак через два, а то и того меньше...

На следующий день у Люды были уставшие глаза и в них явно чувствовалась тревога. С первых минут встречи выяснилось, что причиной всему мое вчерашнее "легкое" сообщение. Она очень серьезно к нему отнеслась, но трудность заключалась в том, что она металась и не знала как нам лучше поступить. На меня передавалось ее волнение, которое длилось более недели. Выслушав огромное количество ее рассуждений по этому вопросу, но так и не дождавшись конкретного мнения, я объявил, что завтра на военкоматской медкомиссии объявлю о желании идти служить со своим призывом. К этому моменту я произвел ряд рискованных авантюристических акций в семье и техникуме, способствующих выполнению моего решения.

Предстоящая служба, надвигающаяся долгая разлука, полностью заполняли мысли, а тут еще и фильм "Романс о влюбленных"...

Людмила клялась что дождется...

Близился самый прекрасный в Алдане и любимый всеми алданцами праздник Проводов Русской Зимы, обычно проводимый в последние субботу и воскресенье марта. Вдоль Октябрьской лепились, строились, воздвигались снежно-ледяные фигуры на политические темы и на темы сказок. На самом крутом подъеме улицы 10 лет Якутии, от ее начала до улицы Дзержинского, заливалась огромная горка. Город приобретал сказочный вид. Празднование состояло из шествия ряженных, продолжающегося не менее четырех часов, огромного количества всевозможных аттракционов, маленьких домиков-

лавочек продающих блины, горячий чай, печеные, сладости. С наступлением темноты, на натянутом около кинотеатра Самородок полотне, демонстрировались мультфильмы, горка ярко высвечивалась прожекторами и гирляндами ламп. Веселье не прерывалось всю ночь.

И вот он надвигается, самый веселый и самый шептунный праздник города и живущего в нем народа. Карина Ефимовна, преподаватель теоретической механики и руководитель нашей группы, зачитывает условия конкурса на ваяние снежно-ледяных фигур. Я провоцирую Мишку Имбрикова, Кузю (Володю Кузнецова) и Валерку Бабичева. Нам выпадает, или мы выбираем, уже не помню, лепить фигуру на политическую тему, и после непродолжительный мытарств в качестве предмета ваяния выбираем танк на постаменте.

Место нам достается отменное, пожалуй, самое лобное место в городе: напротив главного корпуса техникума, возле центрального входа в кинотеатр Самородок. Практически, в самом центре города. То, что фигура, созданная на выделенном нам месте, не останется незамеченной не вызывает сомнений, но само место нас обрекает на недопущение халтуры и невозможность сачконуть в случае надобности. Самое же неприятное заключается в том, что созидательным творчеством нам предстоит заниматься на глазах всех студентов и педагогов техникума, всех алданцев посещающих центральный кинотеатр и гуляющих по самой красивой улице города. Поверьте, что именно таких алданцев, которым совершенно нечем заниматься, в Алдане абсолютное большинство, за исключением очень древних стариков, очень мелких малышей и, что более естественнее, алкашей.

К первому этапу приступаем с задержкой, по причине позднего подвоза снега. Кстати, город ежегодно на данном мероприятии убивает сразу двух зайцев. Первый - милейший и радостнейший праздник. Второй - на строительстве фигур используется снег, появившийся в результате очистки от снега производственных, административных и прочих объектов города.

В три этапа, методом засыпки снегом, утрамбовки и заливки водой, создаем три глыбы: под постамент, под корпус и под башню танка. На

четвертый день, уже изрядно уставшие от нудной черновой работы, приступаем к началу творческого процесса. Пятый день начинает собирать большое количество людей возле нашего танка, вылупляющегося из граненных валунов обледеневшего снега, пирамидально возвышающихся друг на друге. Ротозеи, советчики, восхвалители и просто желающие познакомиться уже образуют круг в несколько колец... Столпотворение и отвлечения меня раздражают до остервенения. Чем ближе к завершению подходит работа, тем больше ответственности и раздражения. Установленные вдоль Октябрьской прожектора дают возможность работать до поздней ночи, но при этом и на свет собираются все...

Покраской нашего снежного монумента занялись за два дня до открытия Проводов Русской зимы. На следующий день остается вывести надпись и звезду на башне, но утром мы застаем наш танк получившим повреждения в результате ночного покушения. Очень, ну очень обидно...

Весь день тратим на восстановление нашего детища и лишь к двадцати четырем часам заканчиваем реставрацию и подкраску, наносим звезду, а от надписи отказываемся.

Людмила, в период моей занятости ваянием, заставляла меня за рабочетворческим процессом, прихватывая с собой в попутчицы подружку с царским именем Анна, живущую с ней по соседству. Каждодневно, по окончании процесса, мы посещали Самородок, чтоб под покровом киношных сумерек дарить друг другу поцелуи. Поскольку Мишка изъявлял желание составлять Анне компанию, а вместе они постоянно становились свидетелями наших киношных "страстей", Анна стала постоянно сопровождать Людмилу.

В последний перед праздником вечер, после завершения танкостроения, которое закончилось, как выше было сообщено, после двадцати четырех, мы прогуливались по Октябрьской, превратившейся не то в сказку, не то во что-то наподобие музея или открытого хранилища скульптур. Напротив треста Алданзолото тоже громоздился танк. Абсолютно все знакомые уверяли, что наш танк гораздо лучше, реалистичней. Просто совсем немного уменьшенная копия

тридцать четверки. Но я другими глазами воспринимал окружающие нас фигуры. Большинство из них сделано с юмором, с изюминкой, утрировано. Я не мог согласиться с превосходством нашего детища. Танк напротив треста был похож на собрата из мультфильма о Мальчише Кибальчише. Мультяшно и шкодно...

В субботу на занятиях нам объявили, что в конкурсе среди политических фигур по техникуму, наш танк занял не то второе, не то третье место. Естественно, мы “очень были рады”. Каково же было наше удивление, когда во время празднества, через динамики, развешанные вдоль Октябрьской, голос диктора объявил, что в конкурсе политических фигур по городу именно наш танк занял первое место, а его создатели премируются туристическими путевками в круиз на теплоходе по Лене летом, с посещением Ленских Столбов.

(На этом фото танк еще в незавершенном виде)

Я искренно поздравлял Мишку, Кузю и Вовчика, так как мобилизационное предписание и повестка на двадцать восьмое апреля уже лежали у меня в кармане и круиз мне явно не светил.

Праздник быстро, весело и шумно разливался по жизнерадостно обливаемому уже согревающим весенним солнцем и бурно просыпающемуся от зимней спячки, городу. По Октябрьской шествовали колонны ряженных, состоящих из героев и фрагментов всеми любимых и узнаваемых народных сказок, эпизодов, связанных с успехами ударного социалистического труда, достижениями науки и техники, покорением космоса и обретением свободы (а как же!). Как правило, сцены разыгрывались на совершенно закамуфлированных под действие автомобилей, за которыми, с шутками и прибаутками, уже пешими следовали разряженные под сопутствующие образы. Бежали легкой трусцой олени, таща за собой переполненные нарты. На увешанных коврами и побрякушками, лошадях, величественно и тяжело оснащенные в доспехи, важно и чинно приветствовали горожан Три богатыря, съехавшие с картины Васнецова. Громкий и зычный голос диктора, мягко льющийся через динамики, развешанные вдоль улицы, напыщенно и с пристрастием комментировал всех и вся, при этом сообщая административную принадлежность каждого участника праздничного шествия. Праздно любопытствующие горожане двумя толстыми гирляндами с обеих сторон, наполненной бесконечно перемещаемой колонной ряженных, улицы, ликуя, шутя и наступая на ноги, давили друг друга. Более молодые забирались на подиумы фигур и прочие доступные возвышения, а пацаны школьного возраста облепили многолетние тополя, гордо, ровными рядами окантовывающие улицу Октябрьская.

По окончании шествия праздный люд, к тому времени уже разогретый и разгоряченный, скупал кушанья, попивал горячий чай с блинами, лазил по обледелому столбу за призами и тешился в других, не менее развлекательных, аттракционах. К семнадцати часам солнце скрылось за горизонтом и резко нарастающий мороз разогнал, по весеннему разодетый народ по домам. Кого за

праздничный стол, а кого, и таких большинство, для того чтоб опять облачиться в зимние одежды и вновь вывалиться из дому. Либо прихватив санки отправиться на горку, либо, прифрантившись, отправиться к высвеченной разноцветными огнями и обставленную раскрашенными снежными фигурами Октябрьскую. Молодежь, даже в этот праздник неспособная пренебречь танцами, с трудом протискивалась вдоль переполненной любителями катаний всех возрастов, к Районному Дому Культуры.

Одним из прорывавшихся к РДК был и я. Еще в светлое время суток мы с Людмилой повздорили по какому-то совершенно пустячному поводу и кто-то из нас (я действительно не помню кто) ушел не прощаясь, а кто-то не остановил. Я успел изрядно подвыпить и врюхаться в конфликт, среди инициаторов которого был придурок из соседского с дедовским двором дома, вспомнивший как когда-то я, заступаясь за младшего из нашего двора, проводил ему нравоучения. Побить меня они не сумели, их было всего пятеро, а нас оказалось двое, да и место подвернулось людное и сейчас, протискиваясь вдоль горки к РДК я думал: “Не найду Людмилу - расквитаюсь с Бабайцевым (кажется он носил эту фамилию)”. Людмилы действительно на танцах не оказалось, а расквитываться с Бабайцевым стало скучно после того, как он расплакался в ответ на мое, стандартное в то время, предложение один на один. Понимаю, что ему, стоявшему в окружении своих коллег, пытавшихся часа два назад меня побить, стало страшно, когда я подошел с дружной компанией техникумовцев, но сразу плакать в таком возрасте...

Танцульки явно не прельщали, но я еще какое-то время продолжал на них оставаться. Вскоре, не выдержав, чуть ли не бегом направился к Людмиле, она оказалась дома.

Люда, гуляя со мной по людной, сказочно-праздничной Октябрьской, и беспрерывно распекая - путалась в темах. Ее обиды, вызванные дневной ссорой, долгим ожиданием и моим посещением танцулек в РДК без нее, составляли такой не перевариваемый винегрет, что я не успевал подыскивать слова для оправданий. Сквозь хмель я слабо понимал, что виновен, но, почему-то не мог

признать свою вину. Какой-то гадкий, непорядочный дух не примирения бурлил в моем полупьяном сознании и делал меня упертым, несговорчивым и бескомпромиссным. С тех самых пор, или вернее после осознания тогдашнего своего состояния и поведения, терпеть ненавижу подобные проявления тупой упёртости как в себе самом, так и в окружающих меня людях.

Телевидение продолжает демонстрировать кадры иностранных телекомпаний запечатлевшие обстрел Белого дома из танков, а я ловлю себя на мысли, что и сейчас и когда впервые показывали танковый обстрел дома правительства страны, ни в Душе, ни в мыслях и на мгновение не возникло даже намека на удивление. Было больно, обидно, гадко и т.д., но удивления никакого. Такие же чувства испытывали и вы и также ничему не удивлялись, как никогда не удивлялись тому, что во многих социальных, экономических и правовых вопросах все наши сравнения проводятся именно с США, т.к. это мощная держава, немногим территориально уступающая России. Но представьте как вы будете чрезмерно удивлены если вдруг услышите, что в Америке парламент дважды в год поменяет, ну например, таможенные тарифы, дважды в год пересмотрит пособие безработным и, скажем, силовым методом попытается установить жесткий курс доллара или по своему усмотрению назначить банковскую ставку. Нонсенс! Представьте же ваше удивление если вдруг по нашему телевидению вы увидите как танки Армии США расстреливают Капитолий. Не представляете? Да, вы не в состоянии представить своего удивления, потому, что сам факт подобного государственного бандитизма с применением вооруженных сил в конституционной, правовой стране немыслим. А вы можете себе представить реакцию американцев на эксперименты их правительства с налогами и таможенными пошлинами? В России же, возможно всё и мы каждодневно подтверждаем незыблемость слов “Народ заслуживает своих правителей”. Патриотизм – это желание и творение благ стране и ее народу, наш же “патриотизм” идентичен шестеризму, а людей с истинным патриотизмом в уме и в сердце мы называем белыми воронами лишь за то, что они не смиренны и не раболепны как

мы, т.е. из зависти. Но далеко не из зависти белые вороны преследуемы и ка- раемы правоохранительными органами и всеми эшелонами власти.

Скучно?

Но, увы, это так.

***

Алдан в апреле хоть и по-весеннему веселый, но до неприличия грязный от почерневшего тающего снега и всего вытаивающего из под него. Время летело с невероятной быстротой поглощая минуты, часы, дни занятые подготовкой и сдачей экзаменов за второй курс экстерном, досрочно за два месяца. Препода- ватели, нужно признать, относились ко мне лояльно. Вечера, естественно, были посвящены Людмиле, но мы становились какими-то нервными, дерганными, часто обижались друг на друга по совершенно незначительным пустякам. Встречались в основном уже вчетвером и постоянное присутствие Михаила и Анны часто становилось раздражающим фактором. Сумасшедший апрель про- несся шумным клубком рваных мыслей и растрепанных чувств, в преддверии долгой разлуки.

Двадцать восьмого апреля возле здания РДК собралось огромное количе- ство призывников и нам, вызывая по одному, вручали каждому на конкретный срок повестки, в которых указывались все условия и все, что нужно иметь при себе. Пронырливые призывники уже вынюхали, что четвертого мая будут заби- рать в танковые войска, пятого мая на флот и т.д. Еще в марте на комиссии я выразил желание служить на флоте, а сейчас уже голова лопалась пополам, хо- телось на флот, но трехлетняя разлука меня не прельщала... Заполучив повестку на пятое мая я отправился к Мишке и, уже с ним зайдя за Валеркой мы устроили сабантуйчик. В течении недели я прощался с сокурсниками, с техникумовскими из общежития, со всеми, с кем были дружественные отношения, а на четвертое мая мать разрешила пригласить домой самых лучших друзей. Людмила, дорожа каждой минутой проводимой со мной, страшно обижалась и сердилась на все мои незначительные опоздания. А друзья, особенно Мишка, часто высказыва-

ли, что из-за девчонки я на друзей наплевал, что девчонок будет еще много, а друзья останутся друзьями. Прощальную неделю мы гуляли чуть ли не до рассвета, а нашими пристанищами по прежнему оставались последний ряд в Самородке и весеннее звездное небо над Алданом. Людмила откровенничала, что ее уже “подкалывает” мать на тему возможной беременности, что совсем не высыпается и на уроках засыпает, что ее страшно пугает предстоящая разлука...

Четвертое мая. У меня в гостях Мишка Имбриков, Валерка Бабичев, Володя Кузнецов, Сашка Быков и естественно Людмила. Она первый раз была у меня в гостях, но особого стеснения в ней не наблюдалось, напротив, она ничуть не скрывала своих отношений ко мне, даже при матери. Мы с Людмилой очень хотели остаться вдвоем, но, по независимым от нас причинам, нам этого не удалось. Уже поздно вечером, подпитые, все вместе, проводив Сашку Быкова до общежития и пройдя через весь город по кривой, полезли на Радио-гору. Там развели костер, что-то пели, брякая на гитаре и, кажется, еще что-то пили. Все это время нам с Людмилой опять хотелось единственного - остаться вдвоем, о чем мы часто переговаривались целуясь. Я не помню была ли Аня у меня на проходах, но на Радио-горе она была и когда мы с Людмилой отправляли всех по домам, она с Мишкой протестовали...

Наконец, оставшись вдвоем у костра, мы разлеглись на поросшие мхом камни и целуясь клялись в вечной любви. С первых секунд отчуждения от общества друзей нас подхватила сладостная истома, я понимал, что она горит тем же желанием, что и я, но опустившийся ночной весенний холод и желание познать любимую в более изысканной обстановке, заставили меня в каком-то диком исступлении повлечь Людмилу за собой догоняя оставивших нас друзей. Мы спустились молча. Я был ошеломлен и раздавлен своим глупейшим поступком и мне даже самые изощренные ее издевки казались бы милыми по сравнению с гнетущим пренебрежительным молчанием. До шести часов утра (время сбора указанное в повестке) оставалось не так уж много времени, но не знаю почему, мы, вдруг, решаем расстаться до четырех часов и я направляюсь домой. Договариваюсь с родителями, что в половине шестого буду ждать у автошколы,

пытаюсь перекумарить, ворочаюсь, пропуская через опухший воспаленный мозг сегодняшние события, свои поступки и мощь обстоятельств, раздавившую меня, перед которой я просто заменжевался как последний слюнтяй.

В четыре часа я уже заливаюсь соловьем под окнами Людмилы. Она вышла около пяти когда совсем рассвело...

Мы стоим в “разрезе” за высоким деревянным забором автошколы, Люда уже выслушала мои нервные высказывания по поводу ее позднего выхода из дому, я детально поставлен в известность о ее разбирательствах и ругательствах с матерью. Обнимаемся, целуемся, говорим о любви, а непонятная нервная дрожь содрогает мое тело. Вдруг, я отстранил Людмилу от себя, слегка сжимая ее плечи, и заглянул в ее, любовью наполненные и болью смотревшие на меня, глаза.

- Людочка, любимая, хочу тебя... Я так я давно тебя хочу...

- Я тоже тебя хочу. Очень-очень...

При этом у нее был такой влюбленный, смиренный и ласковый, с примесью детской стеснительности, взгляд. Мы опять сомкнулись в объятиях. Я, пока Людмила прижавшись говорила и говорила лепечущим и оправдывающимся тоном, прострелял глазами омерзительно захламленный “разрез”...

Когда, наконец, я решился ей сказать что у меня в кармане ключи от автошколы...

Там за забором, за территорией автошколы на дороге раздался сигнал отчимовского Москвича. Сигнал повторился и мне показалось, что меня прямо-таки обжег этот ключ от автошколы, тайком от матери, заговорчески сунутый мне в карман Алексеем Тихоновичем.

-Ты уже была с мужчинами? Не стесняйся говори правду, я люблю тебя и все пойму.

- Нет.

- Ты еще девчонка?

- Да. Я дождусь тебя.

- Ты обещаешь, что останешься такой же как сейчас?

- Да...

Сигналы, издаваемые отчимовским москвичом, повторялись все чаще, и я остро осознавал реальность происходящего. Мое сознание обволакивало смутное предчувствие несчастья...

Возле РДК уже собралось много народу, некоторые из призывников были заведомо острижены наголо, все во хмелю, без капли унынья. Грусть была нарисована лишь на лицах провожающих. Вскоре подошли Мишка с Валеркой и мы быстро осушили “на дорожку” прихваченный черпачок¹. Чем сильнее меня охватывал всеобщий дух развязанной бесшабашности, чем глубже и качественней маскировались тоска и уныние, тем печальней становились глаза у матери и Людмилы. Пришло время грузиться в автобусы. Мы с Олегом Любочкиным заняли места и выскочили прощаться каждый со своими...

Старлею², наконец, удалось усадить призывников в автобусы, которые не трогались с места пока продолжалась перекличка. Мать и Людмила обнявшись, стояли напротив окна у моего сиденья, и плакали, не спуская с меня глаз. А я, подмигивая и показывая им, что бы выше держали нос - обещал, что все будет нормально.

Автобусы тронулись...

...

С Олегом Любочкиным мы не встречались больше года, а будучи школьниками в пионерлагерях частенько попадали в один отряд и вместе шухарили³, вместе встречались с девчонками, кстати он же познакомил меня с Танюшкой со второй школы в пионерлагере Metallург летом одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Поскольку уже давно и неоднократно были проверены друг другом в различных ситуациях мы мгновенно решаем держаться вместе. Ему как и мне, не смотря на проверки шмоток⁴, удалось прихватить с собой

---

¹ Бутылка спиртного (на тогдашнем нашем жаргоне).

² Старший лейтенант

³ Шкодничали.

⁴ Личные вещи.

фуфырик¹. Каждый из нас поведал о событиях произошедших с ним за период прошедший с момента последней встречи.

Сейчас 1:42 11.09.96. Второй канал, по нему у нас вещает РТР, передает клип приятной песни “Натали”, которую красиво исполняет Григорий Лепс, вызывая в Душе нотки созвучные настроению вызванному воспоминаниями.

Удивлены датой? Я тоже удивлен - почти три года не прикасался к “Дневнику по памяти” хоть за эти три года произошло событий на многие тома и в личной жизни и в делах и в стране особенно...

Тогда, в октябре девяносто третьего, я продемонстрировал дикую невежественность и пытаюсь запустить, вдруг переставший запускаться, ноутбук - частично отформатировал жесткий диск. Представляю насколько разнообразны ваши реакции. Одни справедливо ругнули меня матерно, другие просто удивились моей тупости, третьи, самые мудрые, дико расхохотались. Сейчас у меня более серьезная машина, в настоящий момент пишу в русифицированном Word 6.0, да и в компьютерах поднаторел. Мой московский товарищ, практически уже друг, оказывающий помощь в приобретении компьютерной техники, программного обеспечения и регулярно при каждой встрече пополняющий мои знания в этой области, уже два года назад оценил мое совершенствование. Однажды мы с коллегами, будучи в командировке в Москве, выпивали на кухне, а мой друг-специалист, в комнате начинал мой ноутбук новыми программами и от выпивки отказывался. Мои коллеги (подчиненные) заговорили на компьютерные темы и стали мне подпускать леща²: «Георгич! Ты сам здорово и быстро работаешь с компьютером, заставляешь нас, а я думаю, что лично я никогда так не научусь».

- Да я сам еще полтора года назад был в компьютерах во (продолжительно стучу костяшками пальцев по холодильнику), а сейчас... Окликаю по имени своего друга-специалиста: «Как сейчас я в компьютерах?»

И из комнаты доносится веселое, компетентное, не терпящее ни сомнений ни возражений: «На два стука меньше!»

---

¹ То же, что и черпачок.

² То же что и “говорить комплементы”).

Из написанного мною в девяносто третьем от “Дневника по памяти” случайно сохранилось чуть более половины, т.е. то, что было сброшено на дискету, обрывающееся на (Не будем торопить ход событий)... Порядка ста листов (в шрифте Antiqua-11) потеряно. Потеряно и еще два поползновения писания в других жанрах, лишь один из которых, в более ранней и несовершенной форме частично сохранился в распечатанном виде. Бывало мною совершались попытки продолжить “Дневник...”, но полета мысли не ощущалось, напротив, я заморожено пытался вспомнить и восстановить утерянное. Прошло почти три года, прежде чем я почувствовал желание продолжить и вновь попытаться писать¹.

Сохранившееся, из написанного ранее в “Дневнике по памяти”, решил оставить без изменений (опустив лишь пару абзацев, помеченных точечными пробелами). Некоторые вещи стали совершенно не актуальны. Во всяком случае, для меня.

***

Два автобуса, ПАЗик, в котором ехали мы, и ЛАЗ, подымая пыль Амурской автомобильной магистрали, по маршруту Алдан - Большой Невер, увозили новобранцев, набранных в Алданском районе, все дальше и дальше от матерей и любимых. Шумный галдеж подвыпивших парней незаметно переродился в непрерывный монотонный говор, а вскоре и вовсе затих. Бессонная ночь и проводы, воздействие спиртного, закамуфлированный стресс вызванный расставанием и предстоящей долгой разлукой - сломали еще не окрепшие молодые Души. Мне казалось, я сплю и не сплю, в ушах голоса друзей, матери, Людмилы. Я с ними о чем-то говорю, спорю, соглашаюсь. Никакой разлуки вроде как и не произошло, только в груди что-то давит, щемит. Ощущение безвыходной неопределенности достигает апогея и приходит понимание, что все, свой город, мать, друзей, любимую я увижу только через годы... В то же время голоса дорогих сердцу людей слышны, они рядом, и уже нисколько не сомневаешься в том,

---

¹ Следите за ударением, господа!

что немного проехав, обязательно произойдет что-нибудь непредвиденное, автобус обязательно развернется и повезет нас назад, домой к своим. Но ничего не происходит и автобус везет и везет, все дальше и дальше увозит и увозит.

Я подымаю голову, осматриваю прикумаривших подвыпивших коллег, наблюдаю за бегущими навстречу деревьями, но реальность не воспринимается. Вскоре очнулся Олег и вперил в меня ошпаренные глаза.

- Что с тобой?

- А что?

- Глаза как у бешеного таракана.

- У меня?

- У тебя!

- А, я на самом деле с ума схожу. - Олег довольно долго молчал, внимательно всматриваясь куда-то сквозь меня не меняя сосредоточенной гримасы на напряженном лице. - Нет, я серьезно. Я вроде и сплю и не сплю и все время слышу голоса всех, кто был на моих проводах.

- Я вообще слышу голоса всех подряд...

- Да я тебе серьезно...

- Олег, у меня в голове как будто магнитофон прокручивает записи с разговорами моих знакомых, а я не верю, что три, а если повезет, два года никого не увижу.

- Что, точно? Ты тоже слышишь голоса?

- Непрерывно. Вроде и совсем отчетливо и вроде как сквозь туман...

- Я уж думал, что с ума схожу. Давай по стопарю!?

- Давай. За то, что если ты и сходишь с ума то не один. За компанию! - Мы сдвинули стаканы...

Автобус катил по трассе с раннего детства знакомой и изученной. За Чульманом все чаще стали встречаться шрамы на теле изуродованной БАМом тайги. Развороченный ключ под Беркакитом, у которого раньше всегда останавливались шофера, для того, чтоб попить и набрать с собой лечебной воды, резко

пахнущей тухлыми яйцами. Рваные оскалы взорванных гор под Золотинкой. Погруженная в грязь и в слизь Тында. Варварски выкорчевываемая корейцами тайга...

4. Бабушкины пирожки

На железнодорожной станции Большой Невер нас погрузили в общий вагон, поезд тронулся, застучали колеса по стыкам, а там, далеко впереди, в нашем туманном ближайшем, для нас уже был "...открыт закрытый порт Владивосток¹".

Первое, что к этому времени занимало наши мысли - поиск спиртного, поскольку оно давно кончилось, пока автобусы более суток, натружено завывая моторами и повизгивая тормозами, доставляли нас до близлежащей железнодорожной станции, преодолевая расстояние в шестьсот сорок восемь километров. Из призывников ехавших с нами в одном автобусе сформировалась слаженная команда и как только мы разобрались с местами, через проводника тут же был организован ящик борматушки². Пока мы двое суток пропивали деньги, сунутые нам сердобольными родителями "на всякий случай", спя не раздеваясь, без постельного белья, подложив под головы котомки, поезд проскочил Амурскую область, Хабаровский край и ввалился в Приморье. За двое суток происшествий особых не произошло. Просто кто-то свалился с третьей (багажной) полки, а многим выпало спать именно на них. Кто-то чуть не отстал от поезда в Бикине. Кого-то из перепивших пришлось успокаивать и ограничить в спиртном. Старлей, не сильно отстававший от нас в употреблении борматухи, стал требовательней и строже, предварительно приведя себя в порядок. Лишь старшина первой статьи, также сопровождающий нас и ожидающий дембель, все время оставался смурным, диким, неразговорчивым.

---

¹ Из текста песни Владимира Высоцкого.

² Общее название низкокачественных вин.

По сообщению проводника, порядком на нас подогревшемся¹, до Владивостока оставалось часа три. Посерьезнели лица присмиривших призывников, глаза потускнели, спесь поубавилась. У меня в голове голоса поутихли, а Олег еще продолжал прислушиваться...

Сидя у окна я всматривался в непривычные пейзажи, слегка напоминающие Сахалинские, плавно сменяющие друг друга под монотонный стук колес...

...

Первый раз на поезде я ездил с родителями в три года, когда они брали меня с собой в отпуск, на Родину отца, на Украину. Его мать, моя “баба Оля”² жила в деревне Волица³, Староконстантиновского района, Хмельницкой области; но с той поездки в памяти осталось лишь то, что уже потом, чаще всего вслух вспоминали мои родители. Например, когда поезд шел вдоль озера Байкал я, выглянув в окно, вдруг, завопил: “Мама! Мама! Смотри какая большая лужа!” А после того как меня атаковал бабин Олин петух, я забежал в дом со словами: “Баба, баба, петуха бодается”!

Такую же поездку мы совершали в одна тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, после первого класса, но уже с маминими родителями, с дедом Иваном и бабушкой Шурой. Деда я в то время так и звал: просто “деда”, а бабушку Шуру называл попросту “бабушка”. Помнится в поезде я деда чем-то сильно допек и он, в целях воспитательной профилактики произвел на меня физическое воздействие влепив мне, не болезненную, но очень обжигающую, пощечину. Никогда, ни до, ни после, ни при каких обстоятельствах, дед не только не пытался воздействовать подобным образом, но и ни разу не повышал на меня голоса, и долго, пожалуй, всю жизнь, переживал о произошедшем. Я, конечно, обиделся очень сильно, но не надолго, зато это лето, проведенное в далекой украинской деревне в гостях у бабы Оли и прадеда, было замечательным. Почти с каждым рассветом мы с дедом ходили на пруд рыбачить и уже до обеда возвращались с полным бидончиком карасей. Каждое утро баба Оля заставляла меня выпить ог-

---

¹ Подзаработал на разнице цен.

² Так я ее всегда называл.

³ Кажется именно так называлась деревня, но возможно что Вольница.

ромную кружку парного молока со свежей пышной булочкой, выпеченной ее в русской печи и, частенько уступая моим просьбам, баловала меня вишней варенной в молоке. Подружился с местными мальчишками, не менее шkodными нежели я, и много времени проводил с ними и мировой девчонкой по имени Майя...

Никогда не забуду как дед с прадедом кололи кабана, верней как кабан таскал по двору деда с прадедом, пытающихся удержать его, вцепившись руками в его уши... Как я, встречая с пастбища корову, попал под проливной дождь и, поскользываясь и падая в превратившийся в жирную жижу чернозем, еле доплелся до дому. Весь по уши в грязи, в слезах и с обидой на корову за то, что она меня не слушается...

Помнится покос тети Фени где-то на окраине Староконстантинова и как дед, кося траву, совершенно случайно зарезал косой дикую утку, сидящую на яйцах...

В третий раз я побывал в деревне Волица уже после пятого класса. Мама и ее подруга из нашего двора поехали в отпуск вместе, прихватив детей. Мама - меня, а ее подруга - дочь Любу, которая младше меня на два года. Мы купались и загорали в Евпатории. Съехали почти весь Крым, включая Севастополь и Симферополь. Посетили Одессу и отдыхали в деревне. Я все норовил вырваться из-под Любкиной опеки, сбегая то с деревенскими пацанами, то к Майке. Но, счастью несчастье помогло: Любка сломала руку, когда мы с ней в саду играли в чехарду.

Во всех этих поездках на проезды в поездах приходилось не менее двух недель.

Стук колес, стук колес, стук колес...

...

Все же кто-то и как-то сумел извернуться и на самом подъезде к Владивостоку проводник, втихушку¹, принес еще несколько бутылок вина, которые тут же были опустошены.

---

¹ Скрытно, тайно, маскируясь.

Во Владивостоке нас доставили в, так называемый, “Экипаж” и я попал в дикую круговерть интриг, козней, каверз и связанных с ними событий, напрямую влияющих на определение срока и места моей службы. Сперва, как нас и предупреждали, к новобранцам подходили дембеля с просьбами отдать им тот или иной “фрагмент” одежды, разъясняя, что все равно все будет изъято и уничтожено. В чем мы и до них были прекрасно осведомлены. Каждый дембель старался с кем-нибудь сговориться конкретно и “забивал¹” какую-нибудь шмотку, наставляя “раздеваемого” как отвечать другим “забивальщикам” и на кого ссылаться. Я хоть и был во всем стареньком, но выглядел, нужно признать, не потрепанно, что и привлекало ко мне не мало внимания со стороны желающих приодеться. Поскольку я был хорошо информирован о малой вероятности столкновения с попрошайкой при прохождении службы после распределения, и в силу своего несносного характера, до неприличного заносчиво устраивал “от ворот поворот²”. За что в ответ выслушивал возможные перспективы типа: «Зае...ься ЦП драить³. Всю службу зубной щеткой очко др.чить⁴», и многое, многое другое, что качественно сказывалось в приобретении знаний во флотской жаргонавтике, которые мне обязательно должны будут пригодиться.

Но вот нас разбили на группы и каждой группе назначили старшего. Старший группы, в которой оказался я, построил нас в шеренгу, провел перекличку и повел в направлении самого большого здания на территории Экипажа. Поравнявшись со мной, он спросил: “От куда родом?”

- У тебя же документы, там написано.

- Почему хохол и из Якутии?

- Да в Якутии хохлов, бендер, евреев, всякого гм, гм... (я искусно поперхнулся) хватает. А с чего ты взял, что я хохол?

- Не ты, а товарищ старшина второй статьи. Фамилия у тебя хохлацкая.

---

¹ Что-то вроде застолбить, сговориться в том, что эта вещь будет передана ему.

² Отказывать.

³ Устать до смерти от постоянного мытья центральной палубы.

⁴ Каждый день чистить унитаз зубной щеткой. А вы что подумали?

Затем он нас вел по длинным коридорам огромного здания похожего не то на штаб, не то на госпиталь, останавливал почти у каждой двери, в которую нас вызывали по одному, и уже за дверью задавали вопросы, что-то записывали. Потом нас повели кормить, а после кормежки, во время организованного перекура, ко мне подошел наш старший и заговорил со мной о моей похожести на его младшего брата.

- А сколько, товарищ старшина второй статьи, вашему младшему брату лет?

- Да ладно тебе, ему еще рано служить.

- Выходит, он похож на меня?

- Ты не ерепенься. Лучше скажи, у тебя куртяк¹ забил кто-нибудь?

- А-а... Так с этого и надо было начинать²...

- Ну ты точно хохол! Я сам украинец, но хохол не до такой степени. А на моего брата ты в самом деле очень сильно похож.

Он вновь повел нас строем к самому большому в Экипаже зданию. Во время ожидания очереди у закрытых дверей одного из кабинетов я подошел к нему:

- Что, так сильно я похож на твоего брата? Никто ничего у меня не забил, но переодеваться в чужое до выдачи формы я не буду, а если организуешь как забрать мое шмотье не загоняя меня в чужое дерьмо, забирай хоть все.

На том и сошлись.

Потом была медкомиссия, по тому же принципу: возле каждой двери мы ожидали очередности, затем заходили то по одному, то всем гамузом³, то определенным численностью количеством - в зависимости от требований медперсонала. В одном из кабинетов я дул в бачок цилиндрической формы, из которого, по мере моего дуновения выдвигался другой бачок с какими-то делениями, а я все дул и дул с одного вздоха. А когда окончательно опустошил свои легкие - все просто оху..., извините, обалдели. Потом наш старшина отозвал меня в сторону и быстро, скороговоркой, объяснял мне, что коль в мою

---

¹ Куртка.

² Предполагал ли я тогда, что, спустя чуть более двух лет, эта самая фраза, но уже обращенная ко мне, срываясь с женских уст так безжалостно резанет по сердцу...

³ Всем составом коллектива, определяемом на момент употребления слова. Не путать с камбузом!

карточку вписали барокамеру, значит хотят “загнать” на подлодку, а это “кранты”. Хорошо если на дизель, а если на атомную, то к тридцати буду лысым и стоять не будет, чуть ли ни раньше, чем полысею. Ясно дело, когда решение нужно принимать мгновенно, а перспективы явно не впечатляющи, я попросил его как-то повлиять на мое определение, в пределах его возможностей. Его возможности не ограничились даже тогда, когда мной полностью была пройдена медкомиссия, и мы, сидя и покуривая в сторонке, после моего ознакомления с его инструкциями по переодеванию, вели беседы на самые меня беспокоящие темы. Он разжевывал мне о том, что при трехгодичном сроке службы отпуск домой обязателен, а при двухгодичном - только по смерти ближнего родственника, по рождению ребенка, при усердной суете родителей и в случае женитьбы по необходимости, т.е. в связи с беременностью особы, которую заблаговременно накачал и на которой согласен жениться.

- Последний вариант, опять-таки, без суеты ее и твоих предков - нулевой, но если она сумеет сделать справки, а предки “подпишутся”, то отпуск гарантирован. К тому же литер НК¹ в мед книжке - гарантий службы на коробке² не дает. Военный билет будет выписываться в части, а там, когда выяснится, что есть права, могут запихнуть за баранку, а то и вовсе в обеспечение. И будешь три года на суше трубить.

- А в морскую пехоту?

- Ты хочешь в морпехи?

- Да.

- Есть разряд по боксу, борьбе, самбо?

- Вольная борьба. Разряда нет, но есть титул - бронза на республиканских соревнованиях.

- А х.ли ты молчал?

И старшина второй статьи сорвался с места и унесся с такой невероятной прытью, что я, не успев вымолвить ни слова, поверил в свою похожесть на его младшего брата.

---

¹ Надводный корабль.

² Корабль.

Вернулся он через целую вечность, хоть и стрелки часов отсчитали не более двадцати минут...

Лившиц, касаясь проблемы неплатежей в бюджет, разрисовывается яркими красками о новой налоговой политике и о программе по добровольному возврату вывезенных за пределы страны средств.

От кого государство ожидает платежи? Кто способен, в настоящий момент, производить оплаты в бюджет? Кто из имеющих средства хочет или будет платить государству?

В начальный период, так называемой перестройки, власти страны дали возможность развиваться двум направлениям в экономике: хозрасчет для госпредприятий и кооперативы в организованном коллективном труде. Тем самым стимулируя деловой подход к руководству и ведению дел в предприятиях и, с помощью кооперативов развивать конкуренцию, моделировать рычаги рыночной экономики, повышать благосостояние граждан и т.д. Абсолютно в любом новшестве на первом этапе возникают побочные эффекты и в этом эксперименте сразу выявилось: 1 - *повальное воровство* из бюджетов страны, регионов, областей, районов, городов и казны предприятий за счет разности цен отпускаемых продукции и оборудования для госструктур и кооперативов; 2 - *гонение индивидуальности* - в госпредприятиях. Создание нетерпимости руководителям, возглавляющим передовые подразделения. В ведомствах - руководителям передовых предприятий, продемонстрировавшим способность руководить и мыслить самостоятельно. Преследование правоохранительными органами руководителей кооперативов заполняющих коммерческие ниши (как правило, это строительство, изобретения, переработка отходов и т.д.) упущенные десятилетиями или вовсе не заполненное гос.системой, и продемонстрировавших независимость от чиновничества; 3 - *отмывание черных денег* - надеюсь объяснений не требуется, но на том этапе это были "всегонавсего" средства украденные у социализма; 4 - *зарождение коррупций* - госчиновник или руководитель госпредприятия кооперативу льготу, а

кооператив взамен наличные и обналичивание, прокручиванием через свои счета госсредства, для чиновников, госслужащих, руководителей госпредприятий т.д.

Все вышеперечисленные побочные явления очень ярко высветились за крайне короткий период времени. Но, вместо совершенствования взаимоотношений субъектов экономики между собой и государством, второй этап ознаменовывается развитием всевозможных общественных и социальных фондов. Функционирование которых не дает абсолютно ничего как экономике, так и благосостоянию граждан, но приводит к катастрофичному ускорению превращения этих побочных явлений в социальные и экономические факторы нашей жизни и жизни государства (Трудно предположить, что это ошибка, а не продуманный шаг). При этом первый, третий и четвертый факторы крепнут за счет второго. То есть, фонды, собрав под свои знамена битых системой и коллегами индивидуалистов и интеллектуалов, выжав из них идеи, организаторские способности, поимев талант, вышвыривают их за пределы зловещего круга. В то время еще многие сами, прозрев, отказывались от участия в зловещем круге.

Третьим этапом стало семьсот девяностое постановление, увидевшее свет в начале августа одна тысяча девятьсот девяностого года, о создании и развитии малых предприятий. По сути своей актуальное, для периода времени, но крайне опоздавшее от нормативов по созданию кооперативов, и, тем более, различных фондов. И чрезмерно преждевременное относительно, так и не рожденной до сих пор, соответствующей законодательной базы...

(Возможно, продолжим и эту тему, если она Вам не окажется скучна, и кратко закончим поэтапную раскладку экономического тупорыльства и законодательного безмозжья, способствующих превращению государства в бедлам.)

Кто способен производить платежи в бюджет сейчас, когда способные творить, создавать, строить и вообще работать - обворованы, всего лишены и гонимы самим же государством? Они же уравнены с нищими из-за лени и

приспособленчества и с нищими, которым задолжало и, опять-таки, которых обворовывает и толкает в нищету до сих пор само же государство?

Или в государственный бюджет оплатят те, кто у государства, с помощью государства же и наворовал? Такое может прийти в голову, пожалуй, только лишь “великому стратегу”, вновь испеченному министру финансов – Лившицу, то бишь бывшему советнику президента! Представляете, что этот советник за эти годы президенту насоветовал? А президенту видать нравились его советы. А что он еще успеет натворить на новом поприще?

Имеется гораздо более простое и конкретное, ни в чем не противоречащее вышеизложенному, объяснение попытки перехода государства на рыночную экономику. Которое неоднократно характеризовалось многими как закамуфлировано, так и откровенно: В высших эшелонах власти раньше воровали скрытно и ограниченным контингентом, но с приходом “гласности”, чтоб хватало всем лизоблюдам, завидовавшим и кричащим из вторых и третьих эшелонов – решили воровство узаконить.

Вообще, характеризовать всю мерзость, посеянную в 17-ом, очень неприятно. Но нам это нужно делать.

«Обречен народ, не знающий своей истории», не понимающий куда идет. Вернее – куда его ведут, как (в принципе, без «как») стадо баранов.

А мы...

Мы несравнимо тупее тех, кто жил до нашей эры.

При этом – нам нравится быть непревзойденно тупыми.

***

---

26 июля 1996 остановилась сия писанина.

Когда бывшая жена обкормила трехлетнюю дочь нозепаном. Когда у девочки отказали ноги, на лице застыла безумная улыбка обреченного человечка, еще так и не понявшего и не познавшего жизнь. Когда в бессмысленных, с огромным трудом пытающихся задержаться на мне, глазах сквозь сонм удивления и страха испепеляющего мои глаза, сердце, Душу

впивалась совершенно по взрослому ею воспринимаемая обреченность. Обреченность и безмолвный вопрос. Вопрос, в котором надежда лишь подразумевалась. Эта «картинка» всюду и непрестанно преследует меня.

Я ни тогда, ни сразу после, ни до сих пор так и не смог понять, почему не убил ее, бывшую жену, сразу после того как я, схватил Сашу, сидевшую на полу, поднял и пытался поставить на ножки. Но ножки подгибались, как парализованные, совсем не слушались ее. А я пытался и пытался. Задавал вопросы. Сашка пыталась что-то ответить, но издавала нечленораздельные звуки, язык не слушался ее. Глаза, руки... Она не могла управлять ни одним своим органом. А бывшая жена (тогда мы еще были зарегистрированы), видя все это - хохотала как лошадь. Размашисто, раскатисто, искренне, во весь голос. С неопишуемым восторгом!

Одна мысль тогда сидела в голове. Вернее фрагмент. Серия фрагментов. И история, как в Алдане (я был еще школьником), всем городом обсуждался судебный процесс, на котором оправдали мужа, убившего жену сразу, с маху, одним ударом, после того, как дочь, напилась уксуса, найденного в кухонном шкафу. И то, что тысячу раз, сразу находя что-либо опасное, я рассказывал эту историю. И то, что каждый раз, я, что-то находя, непременно перекладывал в недоступное место, но потом, опять, переложенное мною, находил в доступном для Сашки месте.

А ведь Сашка еще и не ходила, когда я непрестанно говорил, просил и повторял, чтобы ничего из режуще-колющего, из того, что можно проглотить, медикаменты, уксус, ничего, опасного для здоровья, не было доступно ребенку! И непосредственно про таблетки в кармашке холодильника повторял многократно. Многократно доставал и перекладывал их в подвесной шкаф. И рычал, когда обнаруживал их вновь в холодильнике, который Сашка любила открывать и изучать все содержимое.

Вот тогда во мне что-то хрустнуло. И это что-то – нечто сверх логики и самой моей жизни вообще. Но касательно отношения этого существа (бывшей

жены) к детям, к жизни вообще (для нее ценностей никаких вообще никогда не существовало), говорить и писать и смысла-то, вроде как, нет. Это вне логики.

Тогда, это произошло (Сашка наглоталась таблеток) как раз в тот момент, когда я давил клавиши про заумный дебилизм Лившеца. И сколько после того не садился продолжить сей Дневник по памяти, сразу же всплывет тот образ Сашки, с замершей улыбкой совсем нездорового человека. Как-то, сразу, вскорости после того как Сашу забрал из больницы, благо, здоровенькую, лишь дикция буксовала еще какое-то время, при попытке писать выпал абстрактный абзац. Который, хоть он и не уместен, так и оставляю в первичном виде.

Выше, под чертой, вставка 2001 года.

Конечно, разные мы все, как звезды в небе. По-разному нам предначертано. Кому светить и греть, кому просто светить или просто греть. Кому впитывать и заражать, а кому дарить и лечить. Кому творить и создавать, чувствовать и сочувствовать, помогать, спасать, выручать. А кому воровать, крушить, разрушать, ранить, уничтожать, убивать. При этом, одинаково в объеме, но по-разному, по сути, любим мы заносчиво считать себя прелестными пупами Земли (ППЗ)¹, забывая, а многие не зная и не задумываясь, что все мы рождаемся уже каждый со своим внутренним Миром. С Миром, который несравненно красивее и совершенней окружающих нас реалий, подстраиваясь под которые мы перешагиваем через себя, предавая свой внутренний Мир.

1993 - 1996

---

¹ ППЗ - определение Ивана Ефремова.